

СУММА ПСИХОАНАЛИЗА

Том III

ПРЕДИСЛОВИЕ

Отдавая дань уважения и признательности российским психоаналитическим первопроходцам мы сочли возможным и необходимым включить в третий том серии электронных книг «Сумма психоанализа» статьи пионеров российского психоанализа, впервые опубликованные в 1912-1923 гг.

Пользуясь благоприятной возможностью выражаю благодарность А.М.Боковикову, А.Е.Иванову, Ф.Ф.Ильясову и А.Н.Крылову за оказанное техническое содействие.

Виктор Овчаренко

СОДЕРЖАНИЕ

Шрейдер Н.Н.	Психотерапевтические наблюдения	4
Бирштейн И.А.	Сон В.М.Гаршина. Психоневрологический этюд к вопросу о самоубийстве	11
Голоушев С.С.	К казуистике психоанализа	21
Осипов Н.Е.	«Записки сумасшедшего», незаконченное произведение Л.Н.Толстого (к вопросу об эмоции боязни)	24
Дрознес Л.М.	Биопсихологическая основа бреда душевнобольных	39
Суханов С.А.	Патопсихология	57
Бердяев Н.А.	Смысл творчества (Фрагмент)	77
Шпильрейн С.Н.	Русская литература. Отчёт об успехах психоанализа (1914-1919)	78
Лурия А.Р.	К психоанализу костюма	84

Психотерапевтические наблюдения

Н. Н. Шрейдер

По моему мнению, в настоящее время являются ценными данные, получающаяся при практическом применении различных методов психотерапии.

Руководствуясь этим, я намерен в настоящей статье, основываясь на своих наблюдениях, бросить взгляд на следующие психотерапевтические приемы: внушение, психоанализ и так называемую рациональную психотерапию.

Я коснусь воздействия этими способами лечения при наиболее часто встречающихся неврозах, а именно при истерии, неврастении и психастении. В последнее время роль внушения как способа лечения больных обесценивается некоторыми выдающимися авторами, например, Дюбуа. В частности же гипнотическое внушение подверглось уничтожающей критике со стороны многих психотерапевтов.

Положение Бернгейма, гласящее «гипноза нет, есть только внушение», считается Бернгеймом вполне правильным. С другой стороны, давно указано многими авторами на внушение как на могучий фактор, обнаруживающий свое влияние в различнейших сферах человеческой жизни и деятельности.

Медицина издавна пользуется внушением для терапевтических целей, да если бы она, повинувшись новым учениям, и захотела отрешиться от этого способа воздействия на больных, то такая попытка, по всей вероятности, оказалась бы неудачной. Врачи каких угодно специальностей, часто сами того не сознавая, пользуются внушаемостью больных даже при воздействии на них медикаментами, физиотерапией и пр. Правда, Дюбуа думает, что эта внушаемость «указывает на слабость ума» и потому считает нежелательным поддерживать и, тем более, усиливать ее у пациентов при лечении внушением. Ему не нравится существующее, по его мнению, при этом «намерение обойти разум, заставить пациента принять внушение без критики»¹. Однако в противовес этому автору, проф. В. М. Бехтерев говорит, что «внушение ныне не сводится только к простому приказанию, а чаще всего ведется как разъяснение и убеждение и в этом не отличается по характеру от метода Дюбуа, в котором точно так же не исключается и элемент внушения, вводимый, конечно, независимо от самого автора»². И действительно, если лечебное внушение логически построено и обосновано пониманием развития болезни, то оно не нуждается в обходе разума пациента, а наоборот, должно способствовать уяснению им своего состояния. Далее я буду вести речь о гипнотическом внушении, которое применяю чаще, чем внушение в бодрственном состоянии, во-первых потому, что внушаемость субъекта в гипнотическом состоянии большей частью

¹ В. Дюбуа, *О психотерапии*.

² В. М. Бехтерев, *Гипноз, внушение и психотерапия и их лечебное воздействие*.

повышается, а, во-вторых, сам по себе гипноз во многих случаях бывает полезен невротикам, быть может в силу перераспределения энергии, напряжение которой патологически увеличивается в любой области нервной системы, как можно предполагать, у многих истеричных, при навязчивых состояниях у неврастеников и т.п. Благоприятное действие гипнотического состояния сказывается часто в немедленном улучшении самочувствия больных и в приобретении их нервной системой более устойчивого равновесия.

Однако, существует ли гипноз? Я отвечаю на это утвердительно. Ведь можно указать на целый ряд объективных признаков его, как изменение пульса, дыхания, мимики субъекта, понижете чувствительности и др. После удачного прививания пациенту идеи гипнотического состояния, а также при посредстве фиксации, пассивности и пр. возникает своеобразное психофизиологическое состояние у гипнотизируемого, характеризующееся, помимо вышеназванных признаков, наличием особых явлений, как внушаемость, каталептическое напряжение мышц, пассивность, которые, что особенно следует подчеркнуть, могут появляться без всякого словесного внушения я в случае полнейшего незнакомства с гипнозом пациента.

Одним из наиболее важных признаков, исключающих мысль о возможности симуляции со стороны больного, я считаю реализацию внушения в каком либо направлении при одновременно отсутствующей благодаря сопротивлению внушаемости в другом, когда, например, удастся у загипнотизированного вызывать смену настроения, появление галлюцинаторных образов, но вместе с тем он оказывается невосприимчивым к автоматизму, послегипнотическим действиям. Эти соотношения могут быть и обратными.

Гипнотическим внушением, после пользования больным целым рядом сеансов его, достигается прежде всего то симптоматическое лечение неврозов, которое, как эффект внушения, не отрицается большинством авторов. Сюда относится устранение парестезий, анестезий, контрактур, параличей и других инверсий истеричных, фобий, навязчивых сомнений, влечений и т.п. неврастеников и психастеников.

Та «первичная основа чувств и мышления» истеричных, о которой говорит Дюбуа, та болезненная самовнушаемость, к которой так склонны невротики, конечно, поддаются лишь с большим трудом влиянию гипноза; но все же, как показывает опыт, может при этом значительно повысится сопротивляемость нервной системы больного по отношению к вредным внешним влияниям, что бывает нередко, если надолго после лечения установится у него относительное равновесие нервно-психической деятельности, уменьшится его аффективность и пр.

Однако, если принять во внимание новые учения о механизме развития неврозов, то становится ясным, что пользование гипнотерапией этого рода больных должно ограничиваться известными рамками.

Я применяю гипноз: 1) в тех случаях, где можно ясно представить себе развитие болезни без психоанализа и где, следовательно, не имеют места

вытеснение, инверсии и т.п. 2) У больных со слабо развитым интеллектом, когда по этой причине всякое сложное психическое воздействие встречает непреодолимые затруднения. 3) С целью быстрого облегчения тяжелого болезненного состояния (сильные патологические ощущения, дурное самочувствие).

При этом следует немедленно прибегнуть к гипнозу, что, само собой разумеется, не исключает возможности последующего применения других видов психотерапии. 4) При невозможности добиться путем психоанализа, несмотря на полученное уже выяснение механизма заболевания, осязательных результатов лечения, что наблюдалось мной неоднократно. Я считаю лучшим бороться хотя бы с симптомами болезни, чем предоставить больного самому себе. Приведу пример гипнотерапии.

Больная 19 лет, интеллигентная девица, четыре месяца назад у нее был вырван кариозный малый коренной зуб верхней челюсти, с левой стороны, после чего она стала ощущать нестерпимую боль по тракту левого n. trigemini, иррадиирующую и в симметричную область правого того же нерва. Одновременно появился у нее еще целый ряд болезненных симптомов: тоска, пугливость, сердцебиение, парестезии, globus hystericus, тревожный сон. Больная много лечилась, но чувствовала лишь небольшое и кратковременное улучшение своего состояния.

При гипнотизировании больная очень скоро впадала в сомнамбулическое состояние, наступавшее без соответствующего внушения и выражавшееся полнейшим автоматизмом и послегипнотической амнезией.

Гипнотические сеансы были повторены пять раз (в двухнедельный срок), после чего совершенно исчезли как боли, так и другие симптомы болезни. Данный случай приходится, мне думается, трактовать как невралгию у истеричной причем истеричность ее, пребывавшая в скрытом состоянии до травмы, снова перешла в таковое после лечения гипнозом.

Возможно, что психоанализ в этом случае дал бы более радикальные результаты, но больная спешила уехать в деревню, с другой же стороны боль ее была так мучительна, что требовала быстрого вмешательства.

При рассмотрении психоанализа Фрейда я буду иметь в виду главным образом истерию.

Для практикования психоанализа на больных *lege artis* требуется, конечно, детальное усвоение соответствующей техники, что далеко не всем доступно. Однако и руководствуясь лишь теоретическим знакомством с ним да литературными данными, можно многого достигнуть в этой области.

У истеричных необходимо, мне кажется, в каждом случае попытаться провести психоанализ, с целью обнаружить столь частые психогенные факторы болезни. Но помимо известного искусства, требуется еще наличие некоторых условий для того, чтобы психоанализ сопровождался успехом. Прежде всего этот психотерапевтический метод более, чем какой-либо иной, предъявляет запрос к известной интеллигентности больного.

При слабом умственном развитии, например у некультурной женщины, обычно не удаются ни улавливание «случайных мыслей», ни ассоциативный

эксперимент по Юнгу, на мой взгляд, значительно облегчающий пользование психоанализом.

Если, кроме того, такая больная не может сообщить ни одного сна, так как не видит или не помнит снов, то ясно, что врач является тогда обезоруженным при попытке анализировать психическое состояние.

Ошибочные действия, промахи, могут иметь большое значение для выводов, но встречаются не часто, наблюдаются случайно и поэтому являются лишь удачным подспорьем психоаналитику.

Другим препятствием для успешного проведения психоанализа служит довольно часто крайне энергичное сопротивление со стороны больного при всякой попытке заглянуть вглубь его психики. Хотя при очень долгом наблюдении больного, вероятно, по большей части можно бы уничтожить это сопротивление, но ведь не всегда обстоятельства благоприятствуют такой возне с больным. Зато, при отсутствии отмеченных затруднений, психоанализ дает врачу много интересного. Иногда достаточно бывает нескольких бесед с больным, чтобы составить себе представление о механизме заболевания.

Опыт показывает, что не всегда при этом приходится встречаться с сексуальной травмой. Болезнь вызывается обычно целым рядом разнородных причин, в качестве таковых могут фигурировать моральные потрясения, влияния тяжелой наследственности, дурного воспитания, неблагоприятной внешней обстановки. Все это в совокупности может вызвать болезнь истерического характера.

Однако сексуальная травма все же, по-видимому, является главной пружиной этого страдания.

Что же достигается психоанализом в случае отреагирования удачно вскрытой психической травмы?

Можно ли считать истеричку совершенно здоровой после устранения таким путем хотя бы всех ее болезненных симптомов?

Я думаю, нет. Ведь всякая истеричная обладает особой патологической конституцией, которая не изменяется и после лечения психоанализом. При крайней склонности такой больной к болезненному самовнушению, которое вряд ли можно уничтожить при лечении психоанализом, новые травмы могут вызвать рецидив болезни. Несмотря на это, психоанализ, вследствие возможности при его применении освободить больного от «инородного тела», все же может считаться более радикальным способом борьбы с истерией, чем внушение.

Нельзя не заметить, что психоанализ и внушение несколько не исключают друг друга, а, наоборот, могут действовать совместно; например, при неудачном или слабом отреагировании травмы, введенной в сознание посредством психоанализа, может потребоваться гипнотическое внушение для устранения ее неблагоприятного влияния на больного. Приведу кратко две истории болезни.

I. Больная 23 лет, интеллигентная девица. Отец ее алкоголик. Семейная обстановка тяжела благодаря невыносимому его характеру.

Болезнь началась несколько месяцев назад. Симптомы ее: головная боль, чувство жара в голове, тоска, апатия ко всему — «атрофия чувств», по выражению больной, приступы затемнения сознания, сердцебиение, боль в левом боку, потеря аппетита и вкуса, бессонница. С соматической стороны отмечаются лишь общее малокровие и упадок питания.

При психоанализе «случайные мысли» не дают материала, который указывал бы на сексуальную травму. Из связанных ассоциаций интересные получаются при слове отец: недружелюбное отношение, любовь, роскошные волосы, стыд, дерзость, жестокость, молчание, согласие, неисполнение желания, убийство.

При разборе этих ассоциаций больная рассказала следующее: она любит свою сестру как самое себя. На нее произвела ужасное впечатление дикая сцена в доме, когда отец таскал сестру за волосы и угрожал убить за то, что та отказывалась идти замуж за выбранного ей отцом жениха.

Молчаливое упорство сестры (обычное свойство ее характера) привело отца в ярость. После этой сцены больная почувствовала ненависть к отцу, а затем в скорости появились все упомянутые симптомы ее болезни.

Следует предположить, что эта психическая травма и послужила ближайшим толчком к развитию ее заболевания, причем опять-таки, как в предыдущем случае, здесь уже имелась готовая почва в виде истерической конституции.

Состояние больной скоро стало улучшаться. Чувство ненависти к отцу исчезло после соответствующего разубеждения. Упорнее других держались потеря вкуса, «атрофия чувств», боль в боку и бессонница.

После гипнотического внушения и эти симптомы почти исчезли. Больная пролечилась около месяца. Через пол года после ее отъезда я получил от нее письмо, в котором она благодарит за лечение и извещает, что совершенно поправилась от своей болезни.

II. Больная 15 лет; крестьянская девица. Заболела более года назад. Появились тоска и отсутствие интереса к окружающему, стали «неметь руки и ноги», внизу живота ощущалась боль, задний проход что-то распирало и как будто «гудело» там. Больная обратилась к гинекологу, по ввиду отрицательного результата исследования была направлена для лечения нервов.

Уже сам характер жалоб ее указывал на сексуальную травму. Кроме того, больная рассказала сон, в котором видела, будто знакомый сосед уверял ее, что у нее вырос живот.

Имея эти данные, я высказал больной свое предположение, что с ней «баловался» мужчина. Больная после некоторого сопротивления сообщила, что как-то ночью, когда все в избе, кроме нее, спали, к ней подкрался 13-летний двоюродный брат и изнасиловал ее сначала, через влагалище, а затем через задний проход. Больная почему-то никому из родных об этом не рассказала, затаила все в себе и вскоре заболела.

В данном случае все симптомы болезни вызваны сексуальной травмой. После отреагирования ее (больная при этом сильно плакала) парестезии,

особенно в заднем проходе, не совсем исчезли, но больная повеселела, стала хорошо спать, охотно гуляла и занималась рукоделием. Уехала домой в скором времени почти здоровой.

* *

Скажу еще о так называемой рациональной психотерапии. Несомненно, что убеждение, наряду с внушением, всегда играло видную роль как при психическом воздействии на больного, так и в других областях терапии. Психотерапевтам Дюбуа, Дежерину и др. Принадлежит тем не менее заслуга выработки особого метода терапии с помощью разъяснения и убеждения.

Совершенно новым является при этом стремление к воздействию исключительно на интеллектуальную сферу. Правда, различными авторами уже неоднократно было выражено мнение, что примеси внушения при пользовании убеждением избежать невозможно.

Очевидно, что если сам врач и стремится не внушить, а убедить, то исключить внушаемость пациента он все же не в состоянии. Но при всем том данный метод является своеобразным и обособленным от прочих, так как врач при пользовании им старается развить критику больного, тогда как внушение и психоанализ устраняют ее.

Главная трудность при лечении убеждением, на мой взгляд, заключается в необходимости оказывать влияние только на разум больных, минуя в то же время их чувство.

Ведь больные и лечиться-то идут к тому врачу, которому верят и который, именно благодаря этому чувству веры, имеет авторитет в их глазах.

Вот почему, как ни рациональна такая психотерапия, но далеко еще, мне кажется, то время, когда она будет доступна большинству больных, по крайней мере в чистом виде. При пользовании убеждением следует различать два задания, меньшей и большей сложности. Первое из них аналогично симптоматическому лечению, проводимому другими способами. Врач при этом ведет борьбу с неправильным взглядом больного на свои патологические ощущения, фобии и т.д.

Другое дело — перевоспитание воли и всей личности больного. Известно, как трудно правильно воспитать даже ребенка. Здесь же перед нами часто — исковерканный неправильным образом жизни, дурной средой взрослый человек с его глубоко укоренившимися заблуждениями, суевериями, вредными привычками и пр.

Ясно, что такое перевоспитание, которое стремится, по выражению Дюбуа, «изменить основу чувств и мыслей больного, требует со стороны врача особого искусства.

Из невротозов, наиболее подходящих для лечения этим способом, по-видимому, является психастеническое состояние. Особенно при психастении, развивающейся в пожилом возрасте, накапливается целый ряд психических травм в виде житейских неудач, разочарования и др., с последствиями

влияния которых на больного можно успешно бороться, мне думается, лишь при помощи систематически проводимого разубеждения.

Внушение в этом случае действует слабо, а психоанализ здесь неприменим, так как больной и без него хорошо помнит и сообщает во всех подробностях те гнетущие душу переживания, которые расшатали его нервную систему.

В заключение изложенного я позволю себе выразить мысль, что только для теоретических построений целесообразно сосредоточение всего внимания на каком-нибудь одном методе психотерапии, при игнорировании остальных. На практике же приходится считать вышеописанные способы лечения равноценными и находящими каждый свое место при должной индивидуализации больных.

*Психотерапия, 1912,
№ 2, с. 269–277*

**Сон В. М. Гаршина.
Психоневрологический этюд к вопросу о самоубийстве**

И. А. Бирштейн

В заметке П. Быкова «Лучезарной памяти» приведен текст сновидения, рассказанного В. Гаршиным автору воспоминаний о трагически погибшем писателе.

«Я видел себя *заблудившимся* в широком поле, безбрежном, как море. Поле было голое, почва раскаленная. Надо мною сверкало небо с каким-то красноватым отливом, и мне почему-то казалось, что это разжиженная кровь. И, *несмотря на дневной свет, на небе была звезда*, которая шла впереди меня и словно указывала путь. «А почему я должен идти именно по ее направлению», — думалось мне, и я, наперекор звезде, повернул в обратную сторону. И что же? Она какая-то роковая, *властная*, снова очутилась впереди меня, на моем пути. С упорством, *наяву мне несвойственным*, я повернул влево и даже *страшился взглянуть на небо*. Я *опустил голову вниз* и все же чувствовал ее над собою. Я остановился, присел отдохнуть — *недвижно стояла и моя звезда*. Мне казалось, что я *отдыхал долго*. Я вскочил и бросился бежать в *противоположную* сторону. Бежала и звезда со мною и, наконец, предо мною открылись неясные очертания *города*. Я ускорил шаги, но на пути моем вырос густой лес из *пальм всевозможных* видов. Я очень люблю *пальмы*, но тут они сердили меня, потому что я не видел выхода из этого леса. А, между тем, шум из *города* усиливался. Я слышал явственно крики и стоны и пламенно желал поскорее *прийти на помощь кому-то*. Сквозь густые верхушки деревьев я с трудом отыскал свою *звезду*. Она горела еще ярче, а небо темнело и сумеречные тени уже двигались. Лес остался далеко у меня позади. Город был в двух шагах от меня... И, вдруг, *звезда моя погасла*. Темнота густая, беспросветная хлынула на меня... Я проснулся, но долго недоумевал, во сне ли это было или у меня бред наяву...»

Как известно, Гаршин страдал тяжелым неврозом, приведшим его к самоубийству на 33-м году его жизни. Формой самоубийства он выбрал прыжок в пролет *грязной лестницы* своей квартиры. Его подняли разбитого, с переломанной ногой. На вопрос, очень ли ему больно, умиравший ответил: «Что значит боль в сравнении с тем, что *здесь!*» и он указал на сердце... Страдая периодическими обострениями депрессивных состояний, он искал спасения во многом: в *физическом* труде, в поездках на юг. И вот как раз, 17 марта 1888 года, накануне предполагавшегося отъезда на юг, «предчувствуя» приближение нового проявления безумия, Гаршин привел над собой в исполнение смертный приговор.

Внимательное рассмотрение биографических данных, имеющих в достаточном количестве (к сожалению, о ранних детских переживаниях писателя, об отношениях его к родителям, в частности к матери, брату и др., мне немного известно), дает возможность более или менее точного

определения природы Гаршина. Эта возможность вытекает из знания основных психологических положений, разработанных и утвержденных Альфредом Адлером и его школой.

Как известно, сновидения («*во сне или бред наяву*») значительно облегчают наши психоаналитические задачи. Поэтому я намерен использовать приведенное сновидение для того, чтобы в конечном результате его анализа суметь приблизиться к схематическим очертаниям душевной конституции Гаршина.

Итак: «Я видел себя *заблудившимся* в широком поле, безбрежном, как море...» Символическое изображение чувства своей беспомощности, растерянности, инфантилизма — в общем — «*малоценности*» на земле, в условиях реальности.

«Поле голое, почва раскаленная»... «*Голое поле*» — это пустыня, где человеку нечего делать, где грозит ему гибель со всех сторон. «Раскаленная почва» обжигает ноги и, естественно, ведет к желанию уйти или подняться выше, значит, к невозможности, то есть *нежеланию* пребывать на нестерпимой почве пустыни — реальности. (Подчеркнутая тенденция *обесценить* земное и психологическая мотивировка отшельничества, аскетизма). Стремление подняться в высь выражено в восприятии «сверкающего неба». Однако и оно отражает в себе «раскаленную почву» и «красноватый его отлив напоминает разжиженную кровь». Это — сомнение, нерешимость, колебание в бесповоротном выборе жизненного плана: оставаться на земле невозможно (чувство малоценности обуславливает сверхкомпенсацию); взгляд обращается к небесным высотам, которые все же лишены *идеалистического колорита*, ибо, отражая в себе «раскаленную почву», немногим отличается от земных низин!

Почему красноватый отлив *неба* сравнивается с цветом «разжиженной крови»? Не указывает ли разжижение крови на отсутствие цельности, на раздвоение души, личности, сердца — «крови»? Нельзя ли в этом символе увидеть продолжение того же психического тормоза, мешающего прийти к определенному решению в утверждении того или другого жизненного пути? В сновидении совершается своего рода проба, примерка: душевные импульсы подвергаются разносторонней оценке и освещению. Отмечаются явные черты конфликта и борьбы. С кем и ли чем? С жизнью, со вселенной, а *видимо* — с самим собой в форме «*якобы*» искренних, а в действительности, — *симулятивных* попыток остаться на земле, ориентироваться в реальном, ибо «небо», отражая «земное» идентифицируется с реальностью. Таким образом, симуляция сводится к кажущемуся примирению с действительностью. Такого рода психические усилия, такую внутреннюю борьбу между сознательными элементами и бессознательным стремлением к «сверхкомпенсации», к *отрешению*, либо *видоизменению* действительности, нам приходится встречать сплошь и рядом при анализе невротических натур. Уже сама *инсценировка* борьбы дает нам повод к заключению о ее свойстве как бессознательной, а иной раз почти сознательной душевной *конструкции*, психического *приема*, имеющего в виду, в *перспективе*, все же

восторжествование истинного смысла природы: реализации властолюбия (*der Wille zur Macht*, Ницше), поднятия «кверху», парению над миром и, в конце концов, наивозможно близкого подхождения к принципам Божественности.

И действительно: *«несмотря на дневной свет, на небе была звезда, которая шла впереди меня и словно указывала путь»*. Дневной свет, как образное выражение реальной жизни, не должен и, значит, не может препятствовать поступательному движению личности к галлюцинаторной (для сновидца — с печатью реальности), фиктивной, ибо недостижимой конечной точке — звезде. Эта «звезда» указывает, то есть дает направление единственно серьезно намеченному пути «кверху». И в ней сосредоточено содержание всей динамики фиктивного жизненного плана «нервнобольного» Гаршина.

И все-таки, еще раз демонстрация борьбы с самосозданной фикцией. На этот раз, быть может, в антиципации мотивов, влекущих к смирению, к примирению с действительностью и отрешению от недостижимого. *Страх, неуверенность* в своих силах диктуют Гаршину сознательную мотивировку для якобы необходимого отступления от миражных импульсов, и он восклицает: *«А почему я должен идти именно по ее направлению... и я, наперекор звезде, повернул в обратную сторону»*.

Упомянутые чувства неуверенности, сомнения в своих возможностях приводят Гаршина к *реконструкции* тормозящих элементов, ибо заветный идеал его психической структуры — это сохранить во что бы то ни стало непомерно высокое (сверхкомпенсаторное) стояние своей личности, всеми силами оберегать ее от возможного понижения ее уровня. Отсюда resultируют психические задержки пред моментами бесповоротных решений и целый ряд предохранительных мероприятий, («Memento» Адлера), реализующихся в стройной, целесообразной и планомерно разработанной системе психоневротических симптомов. Видимые симптомы, непонятные иногда на первый взгляд психоневрологу и совершенно чуждые, как бы абсурдные, для самого невротика — при детальном рассмотрении (анализе) дешифрируются в виде глубокомысленных, закономерных действий и чувствований, всецело согласующихся с основным, окаменелым содержанием характера, который в каждом отдельном случае невротического заболевания сводится к схематической и весьма определенной чувственной формуле: *к власти и превосходству над всем миром*.

Чтобы осуществить, реализовать эту абстрактную формулу имеются два кардинальных пути: непосредственной, прямой, активной агрессивности и путь обходный, *также агрессивный*, но пользующийся *пассивными, ложно-мазохистическими* приемами — средствами, которые в качестве компромисса склонны обслуживать в равной мере тенденцию поступательной агрессивности и столь нужное оберегание личного «я» — в тех случаях, когда таковому грозит реальная или подтасованная, галлюцинаторная *возможность поражения* или *укорочения*.

Первый путь — это путь людей, стремящихся к идее могущества и превосходства *в пределах человеческих достижений*. Принадлежит к кате-

гории *приблизительно* нормальных («приблизительно» потому, что абсолютной нормы не существует: тенденциозное стремление к «власти», присущее всему человечеству, содержит в себе понятие *фикции*. Вне ее нельзя себе представить возможности мышления и действий. *В ней* — динамика жизни), они развивают операционную деятельность своих стратегических задач на прочной основе земного фундамента. Они знают, чего хотят, они знают, что могут, они владеют почти безошибочной *самооценкой* и поэтому, легко ориентируясь в условиях военно-жизненных операций, без аффективных трудностей или с кратковременным чувством неудовольствия отступают там, где внутренний голос надлежащей самооценки подсказывает им истинную (не галлюцинаторно-тенденциозную) возможность поражения. Реагируя трезво, без чувственного удара, без предвзятости, они склонны всякий раз, когда приходится перенести главную базу активных мероприятий в сторону меньшего сопротивления, в расчете на реальный выигрыш и, таким образом, переходят к очередным делам жизни с принятием формулы искреннего смирения.

Второй путь присущ людям с так называемым «нервным характером». Этот последний отличается от «нормального» исключительно тем, что фикция, в нем заложенная (также ведущая к принципу власти), установлена вне сферы социальных возможностей.

В силу упомянутого выше «чувства малоценности» и связанной с ним неудачной компенсации, создается психический феномен «сверхкомпенсации», родственной или, вернее, идентичной принципу «мужского протеста».

Динамические моменты агрессивности уже не в состоянии черпать удовлетворения из содержимого примитивно-естественных реальных комбинаций. Они простираются далеко за пределы существующего и фиксируются на какой-либо миражной, отвлеченной (однако истинной для субъекта) точке — путеводной звезде. Эта точка и есть та конечная цель, к которой красными нитями тянутся все частные психофизические проявления природного, фиктивного жизненного плана-характера. К этим проявлениям относятся галлюцинаторные представления: действия, душевные выражения, симптомы — «язык органов» (*die «Körpersprache»* Адлера) и все прочие видимости.

«И я, *наперекор звезде*, повернул в *обратную сторону*».

Во-первых — почему «наперекор»? Потому что «должен» идти по ее направлению вызывает закономерный для невротика протест: для него понятие о «должном» существовать не может, так как всякое навязанное законопризнание связано с чувством *подчинения*, а это отвергается человеком, водрузившим себя в центре вселенной и, наподобие Божества, определившим себя единственной и *высшей законодательной инстанцией*. Весь мир разделен им на две части, согласно формуле: «я — и все остальное». Отсюда типичный внутренний конфликт, борьба с самим собой, своего рода *зеркальная дуэль*. Гаршин протестует против того «должного», которое *он сам себе навязал и для себя же узаконил*.

Характерна, далее, бессознательная аранжировка такого рода борьбы. Она инсценируется для целей «демонстрации ad loculos» низложения одной части раздвоенного «я», части рассудочной, сознательной, логической и победоносного торжества другой части, влекущей вверх, к власти над миром, к необходимым принципам человекоотрицания и человеконенавистничества. Словно оправдываясь пред самим собой, пред людьми, сознательно-этическими мотивами совести, пред всем, что связано с понятием морали, Гаршин пытается предстать в наиболее выгодном освещении, показывает свои честные намерения примкнуть к социальным условностям разграничения между добром и злом и *якобы* «наперекор» *якобы* ненавистной звезде, поворачивает в *другую сторону*.

Мы верим сознательной правдивости этого психического приема, как вынуждены верить словам и действиям актера, слившегося воедино с избранной им самим ролью. Мы верим сознательной маске ангела на бессознательной, принципиальной и, значит, *истинной* духовной физиономии Люцифера, верим в такой же степени, в какой верил и сам Гаршин видимой, показной части своего раздвоенного «я».

«И что же? Она, какая-то *роковая, властная*, снова очутилась *впереди меня, на моем пути*». Но что же, в самом деле?..

Усыпив угрызения совести попытками реабилитации («она *роковая, властная*», от которой нельзя уйти), преследующей цель изобразить пред собой и другими (видимый) образ доброго гения, Гаршин все же фактически не отрывает взора от демонической звезды своей «преступной» (антисоциальной — ибо асоциальной) натуры и, как это всегда бывает, детерминирует отрицательную сущность своего «я» путем проекции на нечто внешнее, тождественное с понятиями *фатума*, судьбы, власти... Ведь не он виноват, так как она — «звезда *роковая и властная снова впереди*» на его пути. Но, в действительности, кто видит ее впереди? Кто установил ее впереди себя? Кому указывает она дальнейший и единственно-закономерный путь? И, наконец, *кто* наделил ее свойствами рока власти и т.п.? Конечно — сам Гаршин!

Вслед за этим — еще одна повторная попытка подчеркнуть пред своей раздвоенной личностью и пред миром несомненную наличность этических начал: «с упорством, наяву мне несвойственным, я повернул *влево* и даже страшился взглянуть на небо».

Гаршин инсценирует сомнение в своих силах, создает бредовую идею о невозможности фиктивных реализаций, конструирует страх взглянуть на «небо» (запретный для его сознания и исключительно желаемый для всей душевной констелляции плод), симулирует отступление и погружается в ложно-мазохистическое чувство, поворачивая «*влево*» от утверждающей «*правоты*» истинных влечений своей личности.

Преднамеренность такого приема выявляется из последующих фрагментов сновидения: «я опустил голову вниз и все же чувствовал ее над собой. Я остановился, присел отдохнуть — *недвижно* стояла и моя звезда».

Прилагая сознательные волевые усилия к тому, чтобы убежать от своего двойника, преследующей его тени, Гаршин тут же обнаруживает неискренность такого рода отступления, вытекающую из только что приведенных моментов сновидения; иначе говоря, со своим индивидуальным содержанием, со своей «тенью», с императивом своей личности он воистину расстаться не может, то есть не хочет. Как во всех случаях невротических констелляций, пациент, жалуясь врачу на те и ли иные симптомы, тягостные для него, обращаясь к нему с «искренней» просьбой излечить его, и в то же время повинуюсь бессознательному велению своего характера, продуцирует целесообразные и нужные ему симптомы заболевания, точно так же и Гаршин старается усыпить бдительное око общественного мнения, выставляя на первый план и подчеркивая долженствующий быть видимым для всех протест против своей же *непосредственной* антисоциальной натуры. И наряду со словами: «я остановился, присел отдохнуть», констатирует, что «недвижно стояла и моя звезда». Застывшее, недвижимое, окаменелое содержание непосредственного, *настоящего* существа *Гаршина!*

«Мне казалось, что я отдыхал долго». Разумеется, всякое мгновение, посвященное отдыху, не может не казаться вечностью рвущейся в бой натуры. «Долго отдыхать» — должно быть связано с опасением, что за это время кто-либо другой успеет больше или, о ужас, опередить его.

«Я вскочил и бросился бежать в *противоположную* сторону», то есть в ту самую, по которой пролегал (*до поворота «влево»*) путь его «звезды». И действительно: «бежала и звезда со мною».

Но куда влечет она Гаршина? В направлении высших идеалов? Кому стремится он их навязать, привить, внушить? Где то священное место, откуда он, с высоты своего фиктивного, маниакального величия, получит возможность диктовать законы блага и любви? Как называются «неясные очертания» того *ничто*, куда влечет его пророческий импульс? Название его — «город», в городе обитают люди: «и, наконец, передо мной открылись неясные очертания города» «Неясные», потому что с неизмеримой высоты ярко сверкающей на небесном куполе личности — звезды, Гаршин может видеть реальное, земное, человеческое (город) неясно, смутно, в бледных очертаниях и уменьшенных размерах, как оно и должно соответствовать законам пространственных соотношений.

Помимо того, эту «неясность» можно было бы истолковать как своего рода (обычную для борцов с «ветряными мельницами *психическую задержку*, моментальный тормоз в формулировке открытого вопроса. «Что там придется свершать»? К какому результату удастся привести намеченные начинания? Будет ли победа? Над кем: над галлюцинаторным или действительным врагом? Если будет победа, то что она принесет с собою? Какой триумф выпадет на долю «сияющей звезды» личного «я»? Вопросы, однако, *предрешены*, ибо звезда *ослепляет* и в виде психического характерного прожектора обезоруживает сознательные элементы личности, приводя человека к аффективному состоянию, граничащему с невменяемостью.

«Я ускорил шаги... но на пути моем вырос густой лес из пальм всевозможных видов».

«Я ускорил шаги» = скорее на поле битвы! «Я очень люблю пальмы, но тут они сердили меня, потому что я не видел выхода из этого леса. А между тем шум (призыва? — Б.) из города усиливается. Я слышал явственно крики и стоны и пламенно желал поскорее прийти на помощь кому-то» (кому бы то ни было! — И. Б.).

Весьма типичный отдел сновидения. Анализ его не труден и сводится, в общем, к следующему: пальма, пальмовая ветвь — амбивалентный символ: 1) пальма мира и 2) пальмовая ветвь — атрибут победителя. Густой лес пальм всевозможных видов расшифровывается как конечная (впрочем, вернее — бесконечная), идеалистическая цель личной жизни Гаршина. «Пальмы всевозможных видов» означают, конечно, фантастическое достижение первенства и превосходства над всем, что существует: *абстракция, ведущая к принципу всесилия, божественности*. С ней должно быть связано *обесценивание* всего реального: постоянный импульс *укорачивания* окружающего — ради фиктивной цели собственного возвеличения. Значит, это реальное, живущее на земле утилизируется лишь в тех случаях, когда оно совпадает с тенденциозной идеей борца (в перспективе) — победителя об украшении его небольшим количеством «пальмовых ветвей». Временное перемирие, снисхождение к низшим обесцененным элементам (город, люди) становится возможным и даже желательным лишь тогда, когда ничтожное, малоценное, отрицаемое — взывает о помощи. (Фантазии о спасении — «*Rettungsphantasien*».) Тогда, нагибаясь над этим последним, становится возможной апперцепция согласно схеме: «*вверху — внизу*». А это ведь и составляет кристаллизационный момент различных реактивных манипуляций духа.

Теперь — приходится сердиться на пальмы (вероятно, делать вид, что сердисься), так как «*из-за деревьев леса не видно*». Лес — это единство природы, ее всеобъемлющее существо; лес — это «звезда», компас, маяк. Упустив его из виду, можно заблудиться среди массы отдельных деревьев — частичных, случайных и разбросанных функций характера. Чтобы не растеряться и сохранить единство конечной цели, нужна определенная и всегда пребывающая в душевном поле зрения — главная *руководящая линия*. И только благодаря фиксации на ней допустимы действия, согласующиеся со множеством руководящих линий *вторичного порядка*.

И «сквозь густые *верхушки деревьев* я с трудом отыскал свою звезду».

Конечно, всякий человек для определения и начертания своих действий должен создать аналогичную фиктивную звезду. Как было сказано, без конструкции подобной фикции стало бы невозможным никакое действие. Психическая ладья нуждается в целесообразности и планомерности и лишь при этом условии (наличности компаса-звезды) может лавировать в океане непосредственного жизненного хаоса — при помощи руля. Нормальный человек — рулевой, намечая и создавая конкретную (хотя, по внутреннему существу, фиктивно-абстрактную) жизненную цель, стремится к ее

достижению при полном сохранении душевного равновесия, считаясь с реальными трудностями, препятствиями, подводными камнями, острыми утесами и т.д. Сознательно и здраво ориентируясь в своих путях, он дает повод к предположению, что так или иначе, но намеченная им конечная цель будет достигнута, ибо фикция — звезда *немногим повышается над уровнем житейского моря*. О невротических натурах этого сказать нельзя: их звезда водружена на наивысшей точке небосклона, их жизненный план представляется в виде крутой, *вертикальной* линии, образующей с плоскостью земли прямой угол. Их натура — это *летательный аппарат* с одним лишь принципиальным рулем — *рулем высоты*. Они шествуют по земле с головой, упорно и гордо откинутой назад и с устремленными в высь глазами. Мне думается, что в библейском рассказе о трех королях (волхвах-мудрецах), пришедших к младенцу Иисусу с дарами и руководимых во время своего пути направляющей звездой — лежит аналогичный психологический смысл, побудивший *королей и мудрецов* (представителей наивысших земных достижений) к дальнейшим агрессивным действиям, к дальнейшему возвеличению личности, к идеалу божественного подобия. С точки зрения психологической, эта видимая агрессивность, связанная с *приношением даров*, соответствует психоневротическим приемам *ложно-мазохистического свойства*. Короли-представители *различных рас* и народностей — это символический намек на присущее *всему человечеству* тяготение к наивысшему достижению победы и превосходства личного «я» над всем миром. Быть может, для этой именно цели и создан человеком фиктивный образ божества.

Но вернемся к дальнейшему анализу сновидения. В фантастическом изживании перспективных успехов на земле, торжества и триумфа в «городе», Гаршин — «король» обращает свои взоры кверху. Что для него, для его сверх- и внечеловеческих душевных компонентов целый лес «пальмовых ветвей», пальмовых растений, питаемых *земными соками*, когда импульс первенства, божественности обесценил существующее и доминирует над всякими отдельными достижениями реальной славы, удовлетворенности?..

И даже «небо потемнело и сумеречные тени уже двигались». Апогей бредовых достижений! Ибо *только его звезда* горит ярко на небе. Все остальное потухает во мраке... во мраке, обусловленном, очевидно, световым контрастом между его сверкающим и прочими небесными светилами. Он первый и единственный на небе, он единое божество, не разделяющее ни с кем своей власти и могущества.

Еще один шаг и конструированная фикция превращается в вполне законченную *галлюцинаторную действительность*; еще один шаг в направлении этих характерных путей — и пред нами открылась бы типичная картина параноической конституции. *Всецело* отрешившись от сущего и до конца восприняв бредовой идеал всемогущего величия, Гаршин обрел бы счастье и душевный покой — как конечной стадии в развитии параноических тенденций. Но в том то и разница (*количественная* в динамическом

отношении) между созданием невротических механизмов и конституированными процессами параноического заболевания. Невротик не удается полное и бесповоротное отрешение от реальности (*конструктивные приемы параноического чувствования в неврозах* носят большей частью *временный, периодический характер*, лишенный фиксации), выражаясь образно, невротик одной ногой прикреплен к земле: пытаясь оторваться от последней, чтобы, соответственно руководящей линии своей натуры, подняться к заоблачным высотам, он совершает невероятные психические напряжения, сводящиеся к тенденциозному видоизменению реальности (различные симптоматические приемы) и после миллиона таких, в сущности, бесплодных попыток, подчеркивающих всякий раз все сильнее «чувства малоценности» и вытекающий из такового «мужской протест», он склонен проделать то же самое в миллион первый и т.д. раз, опять-таки для того, чтобы в крайнем ощущении своего бессилия получить возможность для реакции еще большего озлобления, протеста, упорства, бешенства. А это, в свою очередь, дабы, оперируя на платформе такого аранжированного чувствования, еще судорожнее ухватиться за руководящую характерную линию, *долженствующую(субъективно)* привести его к обычному статическому состоянию обесценение реальности и мужского протеста.

«Лес остался далеко у меня позади». Но «город был в двух шагах от меня».

Как явствует из этого положение сновидения, нет возможности сжечь за собой мосты, сбросить оковы социальных форм, нет сил привести свое «я» к анархистскому идеалу полной независимости от директив общественного устройства, этических принципов, навязанной морали; невысказано реализовать свое фиктивное превосходство над всем живущим.

Невозможно, невысказано, нет сил?.. Нет, в конце концов, *нежелательно* в виду *конструктивной* неуверенности, страха и сомнения. Нежелательно? Как же, если это противоречит содержанию всего жизненного плана? Значит, желательно, необходимо, нужно... А страх, колебания, неуверенность?.. Что делать, как разрубить этот Гордиев узел? Очень просто: его нужно разрубить в направлении основного, желаемого, характерного; *обесценить жизнь до последней степени, а это равносильно уходу из нее.*

Вот какой вполне осмысленный и закономерный (для *Гаршина*) исход промелькнул в его душе. В сновидении совершается душевный баланс, перспективно подводятся итоги, из которых нельзя не усмотреть большого актива в психической бухгалтерии *Гаршина*. Конечно, актив этот *относителен* и рассматривать его можно только с точки зрения *гаршиновской* натуры.

«И, вдруг, звезда моя погасла».

Нет, мы не поверим этому; мы знаем, что в течение дальнейших пяти лет после переданного *Гаршиным* сновидения, «звезда» еще ярче светила на небе, еще интенсивнее и яснее манила к себе все напряжете душевных сил поэта и, как ни странно может показаться, в последние секунды падение

Гаршина в пролет лестницы сверкала, как никогда еще, ослепительным блеском призыва.

Бросаясь *вниз*, Гаршин в сущности летел *вверх*, ей навстречу, в объятия, благословляя этот *единственный, действительно счастливый* момент своей короткой жизни, полной невыносимых противоречий и постоянных внутренних конфликтов. Гордиев узел разрублен, и это привело к душевному покою, к полной психической удовлетворительности.

Все люди стремятся только к счастью, к удовлетворению своей личности во всех отношениях. Властолюбие, порабощение других, стояние над всем и всеми, всюду и всегда — вот в чем динамика души нормальных людей и невротиков. Безудержно несутся они к достижению этих заветных идеалов, либо по путям прямой, непосредственной агрессивности (в приблизительной норме), либо по обходным, тяжелым, закулисным путям (в неврозе). И, понятно, чем рельефнее, пластичнее душевные напряжения человека в сторону эфемерной и абстрактно-фиктивной «звезды счастья», тем мучительнее, сложнее дороги прохождения и тем ярче *апофеоз*, в чем бы он ни нашел свое выражение: *в гениальном творчестве, в психоневрозе или в самоубийстве*.

*Психотерапия, 1913,
№ 4, с. 221–234*

К казуистике психоанализа

С. С. Голоушев

В виду того что вопрос о психоанализе находится в той стадии, когда накопление казуистики имеет большое значение, считаю не безынтересным познакомить читателей «Психотерапии» со следующим не совсем заурядным случаем из моей практики.

Ко мне обратилась молодая 23-летняя женщина г-жа Х. с вопросом, не зависит ли ее ненормальная супружеская жизнь от какой либо аномалии ее половых органов. При расспросе оказалось, что Х. замужем пять лет, но осталась *virgo intacta*. Попытка мужа к нормальному коитусу всякий раз приводила у него к внезапному прекращению эрекции и в результате он стал совершать коитус, сознательно скользя penisом по паховой складке и эякулируя на наружные покровы живота. Такой коитус с течением времени стал действовать на г-жу Х. очень тягостно, вызывает в ней отвращение и это отвращение приводит к полному охлаждению ее чувства к мужу.

Исследование Х. обнаружило заметную унаследованную неуравновешенность нервной системы и психики и только. Со стороны физической Х. оказалась вполне здоровой и половой аппарат ее совершенно нормальным.

Заинтересовавшись случаем, я предложил Х. направить ко мне ее мужа. Г.Х. оказался мужчиной также с неуравновешенной психикой, артистическими наклонностями и продуктивным талантом. Физически здоров. Возраст 27 лет, телосложение хорошее, в половом аппарате анатомических аномалий нет. Запрос половой жизни значительно ниже нормы. До 22 лет и женитьбы оставался девственником и онанизмом не занимался, поллюции бывали, но не частые и не тягостные. Рассказ жены о характере половой жизни подтвердил. Очень тяготится своей формой импотенции и рассказывает о том, что благодаря ей чувство к жене приняло болезненный характер; его преследует ревность и страх, что жена ему изменит. Однако о каких-либо попытках добиться удовлетворения жены другими способами ничего не говорит. По-видимому, мысль о взаимной мастурбации и т.п. не приходила и не приходит в голову.

Дальнейший расспрос выясняет, что ни сам по себе, ни коитус с женщиной не представляют для г. Х. ничего отталкивающего. Мало того, по отношению жены у него имеется исключительное желание к коитусу с ней, но половой орган ее возбуждает такое отвращение, что он даже никогда не видал его. Уже одна мысль об этом органе омерзительна и невозможность нормального коитуса обуславливается именно тем, что он связан с этим омерзительным органом. Любопытно при этом отметить, что другие части женского тела: плечи, руки, груди, живот, спина и ноги ничего отталкивающего для г. Х. не представляют. Они могут даже казаться ему красивыми и возбуждать его в половом смысле.

Сама собою напрашивалась мысль о наличии какой то особенности, связанной для г. Х. с представлением о женских половых органах; однако, все попытки найти разгадку в беседе с г. Х. в бодрственном состоянии решительно ни к чему не привели. Все воспоминания его, связанные с первыми впечатлениями полового характера, были окутаны непроницаемым туманом. Г. Х. не мог припомнить и того, когда и при каких обстоятельствах узнал он впервые об анатомической разнице в половых органах мужчины и женщины.

Прив.-доц. А. Н. Бернштейн на консультации согласился с изложенными соображениями и высказал мысль, что в этом случае может большую помощь оказать психоанализ.

Г.Х. пожелал, чтобы гипнотизировал его я и при первом же сеансе оказалось, что он довольно легко впадает в сомнамбулическое состояние. Со второго же сеанса я приступил к расспросу г. Х. о причинах его отвращения, но результат получился отрицательный. Ничего объяснить г. Х. не мог. Тогда я стал добиваться прояснения воспоминаний о первом знакомстве с анатомическими особенностями женского полового аппарата и мало помалу удалось узнать следующее: шестилетним ребенком нянька привела г. Х. купаться в купальню, где в то время мылись окончившие стирку прачки. Когда мальчик разделся, женщины стали трогать его пенис и показывать ему свои половые органы, принимая самые бесстыдные позы. При этом они нагло хохотали, от них пахло вонючим потом и вообще впечатление настолько было отвратительно и сильно, что мальчик расплакался и нянька его тот час же увела.

Факт психического инсульта был найден, г. Х. внушено было припомнить весь рассказ по пробуждении и действительно он повторил его во всех подробностях и был очень удивлен, что источник его отвращения к половым органам женщины был открыт. Дело однако от этого не изменилось. Отвращение оставалось на лицо и г. Х. заявлял, что все равно не считает себя способным к нормальному коитусу. Из дальнейшей беседы уже вне гипноза Х. удалось припомнить еще один факт. Уже в возрасте девяти лет он вместе с товарищем видел половые органы маленькой девочки, которая поднимала подол. Органы и в этот раз показались ему отвратительными и у него явилось садистское желание причинить этому отвратительному некоторое страдание, но мысль каким-то образом перенеслась от части к целому и мальчики стали наслаждаться тем, что заставляли девочку босыми ногами и с поднятым подолом ходить по доске, на которую были насыпаны мелкие гвозди.

Никаких других воспоминаний полового характера ни в бодрственном состоянии, ни в гипнозе у г. Х. вызвать не удалось и я решил приступить к борьбе с его навязчивым отвращением путем внушения в гипнозе. Вот метод, которого я держался. Прежде всего я постарался добиться в сознании Х. совершенного разъединения представления о женском половом органе вообще от воспоминания о половых органах прачек. Когда Х. наконец твердо констатировал это и в гипнозе, и в послегипнотическом состоянии, я

приступил к внушению представления о половом органе женщины как о чем-то привлекательном и источнике наслаждения и, наконец, перешел к внушению мысли об особенной привлекательности введения в эти органы пениса.

По истечении двух недель представление X. о нормальном коитусе совершенно изменилось, к этому коитусу явилось у него определенное стремление, и, по всему вероятно, супружеская жизнь X. приняла бы нормальное течение, если бы не явилось новое препятствие уже со стороны жены. Она уже не могла преодолеть своего отвращения к коитусу с мужем и определенно заявила ему о желании совершенно расстаться.

Случай оказался слишком запущенным и потому не привел к наиболее желательному результату, но что это было вполне возможно, доказывается тем фактом, что г. X. затем стал совершать совершенно нормальный коитус с другой женщиной.

*Психотерапия, 1913,
№ 5, с. 287–290*

«Записки сумасшедшего», незаконченное произведение Л. Н. Толстого (К вопросу об эмоции боязни)

Н. Е. Осипов

Жизни и произведения Льва Николаевича Толстого представляют собою неиссякаемый рог изобилия психологического и патопсихологического материала. В произведениях Льва Николаевича мы имеем не только фактический — психологический и патопсихологический материал, но материал, подвергнутый гениальной художественной и, смело можно сказать, научной обработке.

Сегодня я хочу остановить ваше внимание на незаконченном отрывке «Записки сумасшедшего», помещенном в III-м томе посмертных произведений Льва Николаевича¹.

Как известно, в конце 70-х годов Л. Н. пережил душевный кризис, закончившийся «Толстовским учением». Бирюков говорит по этому поводу: «1876-й год можно считать началом кризиса только в узком, эпизодическом смысле. Можно сказать и иначе. Кризис начался со дня его сознательной жизни: и то и другое будет верно». Нельзя не согласиться с этим мнением авторитетного биографа Л. Н. Толстого. В настоящую минуту я очень далек от мысли разбирать такую сложную тему, как душевный кризис Льва Николаевича. Мне хотелось бы только указать на то новое, что дают нам «Записки сумасшедшего» в этом направлении. В своей «Исповеди» Л. Н. считает докритический период периодом сумасшествия, а послекритический — периодом здоровья. Бирюков также находит, что острый период кризиса завершился «просветлением». Прямо противоположный этому взгляд мы встречаем в «Записках сумасшедшего» Л. Н. считает докритический период здоровьем, кризис — душевную болезнь.

Я позволю себе сопоставлять «Исповедь» — произведение прямо автобиографическое — с «Записками сумасшедшего», в которых есть факты вымышленные — собственно один факт: освидетельствование в губернском правлении на том основании, что все излагаемое в последнем произведении носит также автобиографический характер. Как известно, Овсяннико-Куликовский различает в произведениях Толстого три стороны: 1) ту сторону, которую можно назвать художественными мемуарами и семейной хроникой; 2) ту, которая основана на данных субъективного опыта: сюда относятся все те образы, для создания которых Толстой черпал материал из богатой сокровищницы своей собственной природы; 3) образы, основанные на наблюдении и представляющие продукт свободного творчества. Для всех, кто знаком с биографией Л. Н., становится совершенно очевидным, что «Записки сумасшедшего» относятся в первую рубрику Овсяннико-Куликовского в рубрику художественных мемуаров.

¹ Сообщение прочитано в заседании Моск. психиатр. кружка «Малые Пятницы» 1 марта 1913 г.

Этим незаконченным отрывком, написанным в 1884 г., Лев Толстой оставил нам еще одно доказательство, как тяжело переживал он свой кризис и как долго и мучительно искал осмысления всего происходящего с ним. Из этого произведения мы узнаем, что перед Львом Николаевичем с полной ясностью предстал ужасный вопрос: «Не есть ли все это сумасшествие»? Конечно, нет. Это не сумасшествие — это психоневроз великого человека! Я ограничусь таким догматическим утверждением, так как, повторяю, я очень далек от намерения разбирать в настоящем сообщении душевный кризис Льва Николаевича.

Моя задача много скромнее. Не будем выходить из рамок разбираемого произведения и в его пределах мы найдем много высокопоучительного. Прежде всего нам доставляет чистое эстетическое наслаждение это Толстовское умение выразить в речи, передать словами душевные переживания страдающей души. И с какой силой! *Mit elementarer Kraft*, как говорят немцы. Со стихийной силой! Читайте этот отрывок и вы раз навсегда научитесь понимать ваших пациентов с приступами боязни с полслова. Их жалкие жалобы нашли своего гениального выразителя. И вы не только научитесь понимать весь ужас их переживаний, но научитесь и любить их, сострадать им!

Отрешимся теперь от мыслей о Льве Толстом и разберем это произведение, как будто мы получили такое письмо от больного, который приехать к нам не может, а прислал только эти записки, при том просит больше ни о чем его не спрашивать.

* *

*

Мы читаем:

«Сегодня возили меня свидетельствовать в Губернское Правление, и мнения разделились. Они спорили и решили, что я не сумасшедший. Но они решили так только потому, что я всеми силами держался во время свидетельствования, чтобы не высказаться».

Хорошо знакомая нам способность душевно-больных «подтягиваться» при освидетельствовании, при встрече с новыми лицами и т.д.

«Я не высказался, потому что боюсь сумасшедшего дома, — боюсь, что там мне помешают делать мое сумасшедшее дело. Они признали меня подверженным аффектам и еще что-то такое, но в здравом уме. Они признали, но я-то знаю, что я сумасшедший».

Что значат эти слова? Сумасшедший сам говорит про себя, что он сумасшедший. Возможно ли это? При страдании раннем слабоумием приходится иногда слышать, что больной говорит про себя “я сумасшедший”. Но это не то. Там дело идет о дурачливой, непридуманной игре словами. В сумеречном состоянии временами больной осознает свою растерянность, свою спутанность. Здесь не то, тут плавно льется речь, логически последовательно развивается мысль. Прогрессивный паралитик в момент ремиссии может говорить про себя, что он был сумасшедшим. Но

здесь больной говорит о сумасшедшем деле, которое он должен теперь осуществить. Параноик никогда не скажет про свое дело, что оно сумасшедшее. Иначе он не будет параноиком. Маниакальный больной тоже подчас способен к правильному взгляду на свое состояние, как болезненное, но это только на момент, с тем, чтобы с большей силой снова настаивать на осуществлении своих, по его мнению совершенно здравых планов. Вот те обрывки идей, которые проносятся в голове при чтении этих строк. А затем ясно выступает мысль: А ведь среди наших пациентов есть многочисленная категория больных, которые приходят к нам с заявлением, что они сумасшедшие или, еще чаще, с жалобой на страх сойти сума. Это психастеники или вообще *психоневротики*. Если это предположение не пришло нам сразу в голову, то только потому, что таких больных редко свидетельствуют в Губернском Правлении. Однако, в виду какого-то «сумасшедшего дела» такое освидетельствование вполне возможно. Быть может, дело идет о каких-либо навязчивых действиях. Дальнейшие строки подтверждают наше предположение.

«Доктор предписал мне лечение, уверяя меня, что если я буду строго следовать его предписаниям, то это пройдет. Все, что беспокоит меня, — пройдет. О, что бы я дал, чтобы это прошло! Слишком мучительно».

Больной принимает все меры, чтобы осуществить свое дело, которое считает в то же время сумасшедшим и совершение которого доставляет ему мучения. Непреодолимость навязчивых влечений при полном критическом отношении к ним.

Читаем дальше:

«Расскажу по порядку, как и отчего взялось это освидетельствование, как я сошел с ума и как выдал свое сумасшествие. До 35-ти лет я жил, как все, и ничего за мною заметно не было. Нечто только в первом детстве, до десяти лет, было со мной что-то похожее на теперешнее состояние, но и то только припадками, а не так, как теперь, постоянно. В детстве оно находило на меня немножко иначе. А именно вот как.

Помню, раз я ложился спать, — мне было пять или шесть лет. Няня Евпраксия, высокая, худая, в коричневом платье, с чаплыжкой на голове и с отвисшей кожей под бородой, раздела меня и посадила в кроватку.

— Я сам, сам, — заговорил я и перешагнул через перильца.

— Ну, ложитесь, ложитесь Феденька. Вон Митя, умник, уже легли, — сказала она, показывая головой на брата.

Я прыгнул в кровать, все держа ее за руку. Потом выпустил, поболтал ногами под одеялом и закутался. И так мне хорошо. Я затих и думал: «Я люблю няню; няня любит меня и Митеньку; а я люблю Митеньку; а Митенька любит меня и няню. А няню любит Тарас; а я люблю Тараса, и Митенька любит. А Тарас любит меня и няню. А мама любит меня и няню. А няня любит маму, и меня, и папу. И все любят, и всем хорошо».

Здесь невольно вспоминаются исследования Фрейда и то большое значение, которое он придает любви в детстве. (Не обязательно сексуальной

в тесном смысле этого слова!). Маленький мальчик весело засыпает, весь преисполненный мыслями о любви.

«И вдруг я слышу, вбегает экономка и с сердцем кричит что-то о сахарнице, и няня с сердцем говорит, что она не брала ее. И мне становится больно, и страшно, и непонятно, и ужас, холодный ужас находит на меня, и я прячусь с головой под одеяло. Но и в темноте одеяла мне не легче. Я вспоминаю, как при мне раз били мальчика, как он кричал, и какое страшное лицо было у Фоки, когда он его бил. А, не будешь, не будешь! — приговаривал он и все бил. Мальчик сказал: «Не буду». А тот приговаривал: «Не будешь?» — и все бил.

И тут на меня нашло. Я стал рыдать, рыдать, и долго никто не мог меня успокоить. Вот эти-то рыдания, это отчаяние были первыми припадками моего теперешнего сумасшествия».

Мальчик засыпал (момент особой эмоциональной восприимчивости!) и был испуган. Круг его ассоциаций, вращавшийся около представлений любви, был нарушен и сменился ассоциациями ненавистничества. И мальчик не справился с этой переменной, его захватили в свою власть эти представлений злобы и его протест мог выразиться только в рыданиях, в нервном припадке. Если нужен более точный диагностический ярлык, нечего нельзя сказать против наименования такого припадка истерическим.

«Помню, другой раз это нашло на меня, когда тетя рассказала про Христа. Она рассказала о хотела уйти... Она рассказала, что его распяли, били, мучили, а он все молился и не осудил их.

— За что они его били? Он простил, да за что они били? Больно было? Тетя, больно Ему было?»

— «Ну, будет, я пойду чай пить.

— А может быть, это неправда, его не били?»

Этот рассказ был психической травмой для нервного мальчика, и он обороняется от него, он делает попытку рассматривать его, как неправду. Для него такие представления о нанесении несправедливых обид несовместимы с прочими представлениями его душевной жизни. Его обороняющееся Я пытается рассматривать устрашающее событие, как неслучившееся (*non arrivee*). Однако, это не удастся, тетя не подтверждает его мучительного желания, и вот аффект «конвертируется» (переходит), по выражению Фрейда, в область телесных иннерваций.

— «Ну, будет, — говорит тетя.

— Нет, нет, не уходи...

И на меня опять нашло. Я рыдал, рыдал, потом стал биться головой об стену».

Таков анамнез детского возраста.

«С 14 лет, с тех пор, как проснулась во мне половая страсть и я отдался пороку, — все это прошло, и я был мальчик, как мальчики... Потом этот порок заменился другим: я стал знать женщин. Итак, ища наслаждений и находя их, я жил до 35-ти лет. Я был совершенно здоров, и не было никаких признаков моего сумасшествия... я служил немного, сошелся с моей

теперешней женой и женился и жил в деревне, как говорится, воспитывал детей, хозяйничал и был мировым судьей. На десятом году моей женитьбы случился со мной первый припадок после моего детства».

В этих строках всеми словами изложена Фрейдовская концепция психоневрозов. Повышенная эмоция любви в детстве, не находящая себе достаточного удовлетворения вследствие испытывания несовместимых с нею впечатлений, конверсия аффекта в область телесных иннерваций, — отсюда истерические припадки. С возникновением сексуальной эмоции в тесном смысле слова, возможность оттока аффекта путем мастурбации resp. Путем половых сношений, — полное здоровье. Затем неудовлетворенность семейной жизнью, при сохранении верности своей жене, результатом чего является психоневроз. Я не буду входить в рассмотрение того, насколько такая концепция правильна, не буду даже обсуждать того, насколько только что изложенная мною теория Фрейда соответствует его теперешним воззрениям, а тем более воззрениям других представителей его школы. Я ограничиваюсь тем, что указываю на замечательное совпадение некоторых основных моментов Фрейдовской теории с объяснениями причин психоневроза автором «Записок сумасшедшего».

Посмотрим теперь, как возник и чем выражался психоневроз в зрелом возрасте. Среди видимого полного благополучия автор «Записок» поехал покупать имение.

«Ехали мы сначала по железной дороге (Я ехал с слугою), потом поехали на почтовых, перекладных. Поездка была для меня очень веселая... Наступила ночь, мы все ехали. Стали дремать. Я задремал, но вдруг проснулся: мне стало чего то страшно. И, как это часто бывает, проснулся испуганный, оживленный, — кажется, никогда не заснешь. «Зачем я еду? Куда я еду?» — пришло мне вдруг в голову. Не то, чтобы не нравилась мысль купить дешево имение, но вдруг представилось, что мне не нужно ни за чем в эту даль ехать, что я умру тут, в чужом месте. И мне стало жутко. Сергей, слуга, проснулся; я воспользовался этим, чтобы поговорить с ним. Все ему было хорошо и весело, а мне все было постыло. Но все-таки, пока я говорил с ним, мне было легче. Мы подъезжали к городу Арзамасу. Вот подъехали, наконец, к какому-то домику со столбом. Домик был белый, но ужасно мне показался грустный. Так что жутко даже стало. Я вылез потихоньку».

Далее идет описание того, как автор задремал в комнате и не стал пить чай, продолжая испытывать жуткое чувство. Это описание прекрасно, но нельзя цитировать все произведение.

«Я не встал (чай пить) и стал задремывать. Верно, и задремал, потому что, когда я очнулся, никого в комнате не было и было темно. Я был опять так же пробужден как на телеге. Заснуть, я чувствовал, не было никакой возможности. Я вошел в коридор. Сергей спал на узенькой скамье, скинув руку, но спал сладко, и сторож с пятном спал. Я вышел в коридор, думая уйти от того, что мучило меня. Но оно вышло за мною и омрачило все. Мне так же еще больше страшно было.

«Да что это за глупость, — сказал я себе. — чего я тоскую, чего боюсь?»

- Меня, — неслышно отвечал голос смерти. — я тут.

Мороз подрал меня по коже. Да. Смерти. Она придет, она — вот она, а ее не должно быть. Если бы мне предстояла действительно смерть, я не мог испытывать того, что испытывал».

Опять характерное явление при навязчивых страхах. Предмет страха в реальной форме далеко не возбуждает того ужаса, который постигает больного при мысли об этом предмете. Так один мой пациент — сифилофобик — испытывал невероятный ужас при мысли, что он видит подсолнухи, которые могут быть из такой-то губернии, а у архиерея этой губернии, как ходят слухи, нос провалился; следовательно, он может заразиться от этих подсолнухов сифилисом. В то же время он причащал заведомых сифилитиков совершенно покойно.

Возвращаемся к «Запискам».

«Я лег было, но только что улегся, вдруг вскочил от ужаса. И тоска, и тоска, — такая же духовная тоска, какая бывает перед рвотой, только духовная. Жутко, страшно. Кажется, что смерти страшно, а вспомнишь, подумаешь о жизни, то умирающей жизни страшно. Как-то жизнь и смерть сливались в одно. Что-то раздирало мою душу на части и не могло разодрать. Еще раз пошел посмотреть на спящих, еще раз попытался заснуть; все тот же ужас, — красный, белый, квадратный. Рвется что-то и не разрывается. Мучительно, и мучительно сухо, и злобно, ни капли доброты я в себе не чувствовал, а только ровную, спокойную злобу на себя и на то, что меня сделало».

Даже у автора «Записок» не хватает слов для определения этой тоски или ужаса, боязни. Между прочим, при таких состояниях мы не можем различать тоску и боязнь, что в немецком языке и вообще не различается, так как по-немецки и тоска и боязнь одинаково Angst. Я только что сказал, что у автора «Записок» нет слов для предиката этой тоски, боязни, и он говорит: ужас — красный (красные гардины в комнате и красное пламя свечи), белый (белый домик, в котором он остановился), квадратный (квадратная комната). Но возвращаемся к «Запискам».

«Что меня сделало? Бог, говорят, Бог... Молиться, вспомнил я. Я давно, лет двадцать, не молился и не верил ни во что, несмотря на то, что для приличия говел каждый год. Я стал молиться: «Господи, помилуй», «Отче наш», «Богородицы». Я стал сочинять молитвы. Я стал креститься и кланяться в землю, оглядываясь и боясь, что меня увидят. Как будто это развлекло меня, — развлек страх, что меня увидят... Я не мог больше терпеть, разбудил сторожа, разбудил Сергея, велел закладывать, и мы поехали. На воздухе, и в движении стало лучше. Но я чувствовал, что что-то новое легло мне в душу и отравило всю прежнюю жизнь.

Начал жить по-прежнему, но страх этой тоски висел надо мной с тех пор всегда. [Фобифобия.]

Я должен был не останавливаясь и, главное, в привычных условиях жить. Как ученик по привычке, не думая, сказывает выученный наизусть урок, так я должен был жить, чтобы не попасть опять во власть этой ужасной, появившейся в первый раз в Арзамасе тоски».

Затем следует описание поездки в Москву по делу, где с автором «Записок» повторился опять такой же припадок ужаса и тоски, как и в Арзамасе. Больной не кончил всего дела и вернулся домой.

«Тоски не было. Эта московская ночь изменила еще больше мою жизнь, начавшую изменяться с Арзамаса. Я еще меньше стал заниматься делами, и на меня находила апатия. Я стал слабеть и здоровьем». «Единственным проявлением моей энергии была охота по старой привычке. Я всю жизнь был охотник». Однажды на охоте больной заблудился. «И я вдруг почувствовал, что я потерялся. До дома, до охотников — далеко, ничего не слышать. Я устал, весь в поту. Остановиться замерзнешь, идти — силы ослабеют. Я покричал. Все тихо. Никто не откликнулся. Я пошел назад. Опять не то. Я поглядел кругом, — лес; не разберешь, где восток, где запад. Я опять пошел назад. Ноги устали. Я испугался, остановился, и на меня нашел весь арзамасский и московский ужас, но во сто раз больше. Сердце колотилось, руки, ноги дрожали. Смерть здесь? Не хочу. Зачем смерть? Что смерть? Я хотел по-прежнему допрашивать, упрекать Бога, но тут я вдруг почувствовал, что я не смею, не должен, что считаться с Ним нельзя, что Он сказал, что нужно, что я один виноват. И я стал молить Его о прощении и сам себе стал гадоком.

Ужас продолжался недолго. Я постоял, очнулся и пошел в одну сторону и скоро вышел. Я был недалеко от края. Я вышел на край, на дорогу. Руки и ноги все так же дрожали, и сердце билось. Но мне радостно было. Я дошел до охотников, мы вернулись домой. Я был весел, но знал, что у меня есть что-то радостное, что я разберу, когда останусь один. Так и случилось. Я остался один в своем кабинете и стал молиться, прося прощения и вспоминая свои грехи».

После такой замены эмоций боязни религиозным экстазом или религиозной эмоцией установилось прочное религиозное настроение. «С тех пор я начал читать священное писание. Библия была мне непонятна, соблазнительна: Евангелие умиляло меня. Но больше всего я читал Жития святых, и это чтение утешало меня, представляя примеры, которые все возможнее и возможнее казались для подражания». Опять при покупке именья с больным произошел переворот. «Я приехал домой, и когда стал рассказывать жене о выгодах именья, вдруг устыдился. Мне мерзко стало. Я сказал, что не могу купить этого именья, потому что выгода наша будет основана на нищете и горе других. Я сказал это, и вдруг меня просветила истина того, что я сказал, главное, истина того, что мужики так же хотят жить, как мы, что они — люди, братья, сыны Отца, как сказано в Евангелии. Вдруг как что-то давно щемившее меня оторвалось у меня, точно родилось. Жена сердилась, ругала меня. А мне стало радостно.

Это было начало моего сумасшествия. Но полное сумасшествие мое началось еще позднее, через месяц после этого».

Действительно, здесь еще нет ничего психозного, но вот где развивается бредовая идея.

Больной выходит из церкви. У церкви стоят нищие.

«И мне вдруг ясно стало, что этого всего не должно быть. Мало того, что этого не должно быть, — что этого нет; а нет этого, то нет и смерти и страха, и нет во мне больше прежнего раздиранья, и я не боюсь уже ничего». Здесь типичный истерический бред. Больной видит не то, что есть, а то, что ему хочется — Wunschdelirium.

Так обрываются эти, к великому сожалению, незаконченные «Записки сумасшедшего».

* *

*

Диагностика душевного расстройства напрашивается сама собой: Angsthysterie. Как известно, Фрейд выделил в 1895 г. из обширной области неврастения определенный симптомокомплекс: невроз боязни — Angstneurose. Этиологическим фактором невроза боязни Фрейд считает недостаточное удовлетворение полового возбуждения, — фактор соматический. Дальнейшие наблюдения Фрейда и его учеников привели к тому, что среди факторов невроза боязни стали все и больше и больше обращать внимание на психические переживания, на душевный конфликт. В 1908 г. Фрейд создал понятие «Angsthysterie» — истерия боязни, желая особенно подчеркнуть частую комбинацию невроза боязни с психогенными, истерическими, а также навязчивыми симптомами и различными фобиями. Штекель во 2-м издании своей книги о «Состояниях боязни» (1912), по-видимому, склонен совершенно отрицать чистые случаи невроза боязни, всецело подчиняя последние случаям Angsthysterie.

Таким образом, психогения, а следовательно и психотерапия, и здесь завоевывает себе поле деятельности.

На неудачность самого термина Angsthysterie я уже указывал в одном из своих предыдущих рефератов. Против предположения меланхолического состояния в настоящем случае отчасти говорит течение болезни припадками, а, главное, характер последней бредовой идеи: характер бреда, выражающего желание. Однако, всякие нозологические рассуждения на основании просто письменного документа неуместны. «Записки сумасшедшего» дают нам скорее возможность поговорить о сущности, о природе кардинального симптома — приступов боязни — и возможности психического лечения этих приступов, этой эмоции боязни.

* *

*

В современной психологии нет согласия в понимании термина «эмоция». Одни авторы разумеют под этим термином одно, другие — другое.

К тому же сплошь и рядом бывает и так, что сам автор не дает себе ясного отчета, что следует понимать под словом «эмоция». Все это неизбежно заставляет меня несколько остановить ваше внимание на самом понятии эмоции.

Прежде всего нельзя отождествлять эмоцию с чувствованием. И вот почему: чувствование на ряду с познанием и стремлением — классическая трихотомия психических явлений — есть абстрактное понятие, характеризующее одно из трех качественно различных направлений душевной жизни. Как такое лишь направление, лишь черта душевной жизни, чувствование лишено самостоятельного реального существования, независимо от двух других основных направлений — познания и стремления. Кроме того, чувствование, также как и познание, и стремление, не может быть далее разложено на составные части: оно является в этом смысле «последним» элементом или, лучше, моментом. В противоположность этому эмоция есть особый вид реального переживания, которое характеризуется всеми тремя направлениями — направлением познания, чувствования и стремления, — а следовательно, мы вправе говорить о разложении эмоции на известные моменты, мы вправе исследовать состав эмоции. Результатом такого исследования состава эмоции явится возможность указать на то, чем эмоциональные переживания отличаются от других душевных переживаний. Согласно общепризнанному, так сказать, житейскому пониманию, эмоция складывается из такого временного ряда: 1) восприятие гесп. представление, 2) чувствование, 3) ряд изменений в теле. Так, например, боязнь собаки протекает в такой хронологической последовательности: 1) восприятие гесп. представление собаки и представление опасности, 2) страх, как душевное явление, 3) бегство или оборона, с более или менее выраженными физиологическими явлениями страха. Если мы сопоставим теперь два приведенные ряда, то получим, что страх есть чувствование, то есть как раз ту ошибку, на которую я только что указал. Страх есть чувствование. Чувствование может быть удовольствием или неудовольствием. Страх, следовательно, есть неудовольствие. Определение совершенно негодное, так как неудовольствием бывает не только страх, но и многое другое¹. Таким образом, если даже оставить в стороне указанную мною неправильность отождествления эмоции с чувствованием, такое определение: страх есть неудовольствие порочно и в том отношении, что это определение несоразмерно, неадекватно, в нем объем определяющего (неудовольствие) более широк, чем объем определяемого (страх). Страх, благодаря этому, как конкретное переживание ускользает из наших рук. Очевидно, что для правильного определения страха нам необходимо обратить внимание и на другие явления всего переживания, а именно на физиологические явления страха. Это и сделано Джемсом, а также Ланге. По Джемсу, эмоция складывается из органических ощущений, соответствующих телесным

¹ См.: Петражицкий. *Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии.*

изменениям. Но Джемс не только подчеркнул важное значение органических ощущений, но и создал свою парадоксальную теорию эмоций, согласно которой «мы опечалены потому, что плачем, приведены в ярость потому, что бьем другого, боимся потому, что дрожим». Петражицкий, как бы продолжая этот ряд примеров, говорит: «Мы боимся промокнуть, потому что покупаем зонтик». Ну, конечно, так просто опровергнуть теорию Джемса нельзя. Говоря серьезно¹, Джемс смотрит на эмоции следующим образом: Всякое восприятие *resp.* представление сопровождается рядом изменений в головном мозгу, и эти изменения волнообразно распространяются по всему организму в форме ускорения или замедления биения сердца и дыхания, сокращения или расширения сосудов, усиление перистальтики и т.д. Эти телесными изменениями вызываются в свою очередь центростремительные нервные токи. Эти последние — отчетливо или смутно — сознаются в форме органических ощущений. *Всякая эмоция и есть не что иное, как комплекс таких органических ощущений.* За вычетом органических ощущений в нашем сознании остается лишь чисто интеллектуальное состояние, как, например, восприятие или представление собаки. Среди возражений против теории Джемса особенного внимания заслуживает указание Уорчестера и Айрона, что в таком случае такие явления, как дрожь от холода должны быть причислены к эмоциям. А также однородное указание Штумпфа, а именно, что к эмоциям следует относить в таком случае мигрень и ревматические боли. «Эти два возражения принадлежат к числу очень сильных, если не преувеличивать их значения, именно видеть в них не полное ниспровержение теории Джемса, а указание на то, что эмоция включает в себе, кроме органических ощущений, еще какой-то элемент, упущенный из виду Джемсом», — пишет Лосский. Это именно волевой элемент или вообще элемент стремления. «Джемс считает эмоцию восприятием перемены в теле; на самом же деле эмоция есть порождение нами перемены в теле и восприятие этой перемены. Поясним это примером: Джемс находит в эмоции лишь такие состояния сознания, какие возникают у нас, когда кто-либо сгибает нашу руку (восприятие пассивного движения); на самом же деле эмоция складывается из, таких состояний сознания, какие бывают у нас, когда мы сами сознательно, а не рефлекторно сгибаем руку (сознание об активном движении)». Этот элемент активности трудно подметить в эмоциях, так как «все состояния, входящие в эмоцию, слабо дифференцированы, и испытывание активности, составляющее исходный пункт эмоции, поглощается массой интенсивных следующих за ним органических ощущений». Лосский утверждает, следовательно, что в составе эмоции кроме органических ощущений, есть также волевые элементы, а также психо-рефлекторные. На последних я останавливаться не буду, так как их исследование стоит в связи с учением Лосского о «моих» поступках и поступках «во мне» и это завело бы нас слишком далеко в сторону. Но относительно наличности волевых усилий в составе эмоции нам необходимо

¹ Цитирую по Лосскому. *Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма.*

сказать несколько слов, так как этот факт ближайшим образом касается прямо интересующего нас вопроса о возможности психотерапии эмотивных состояний. «Утверждая, что эмоция есть волевой акт, мы высказываем одну парадоксальную мысль, пишет Лосский, противоречащую установившимся в науке взглядам. С нашей точки зрения покраснение от радости (расширение сосудов), бледнение от страха (сжатие сосудов), дрожь, изменение в пищеварительных аппаратах приходится считать поступками, так как им предшествует неясно сознательное стремление («мое» или «во мне») чего-нибудь достигнуть или избежать.

Между тем, в науке установилось мнение, что все эти телесные явления совершенно не зависят от воли». В доказательство справедливости своей мысли Лосский ссылается прежде всего на Вундта, согласно воззрениям которого все такие движения, как, например, сокращение сердца, которые у высших животных совершенно не зависят от воли или как движения дыхания, отчасти не зависящие от воли, развились из первоначальных движения, вытекающих из стремлений. Если у наших бесконечно отдаленных предков эти акты были обусловлены их стремлениями, то естественно предположить, что и у нас сохранилась способность сознательно влиять на свой кишечник, свои кровеносные сосуды и т.д. Далее Лосский указывает, что в литературе описано много подобных случаев. Они собраны в известной книге Хэк Тьюка: «Дух и тело». Здесь же следует упомянуть о явлениях стигматизма, о Луизе Лато; добавим от себя о случае д-ра Подьяпольского и т.д. Проф. Тарханов описал несколько случаев способности произвольно увеличивать количество биений сердца. Волевой характер эмоций особенно подчеркивает также Фуллье.

Я не буду разбирать других теорий эмоций, так как для этого потребовался бы реферат, занимающий весь вечер, и скажу только, что если придерживаться простого описания, то эмоцию можно описать так: Эмоция есть душевное переживание, слагающееся из следующего ряда моментов: 1) восприятие resp. представление, 2) чувство, точнее приятные resp. неприятные чувственные тона восприятий или представлений, 3) моменты воли или, чаще, только моменты влечения, 4) совокупность различных органических ощущений, особенно со стороны органов кровообращения, дыхания, пищеварения и т.д. Этот последний момент — органические ощущения — является, как это приходится согласиться с Джемсом, наиболее характерным моментом, отличающим эмоциональные душевные переживания от других видов душевных переживаний.

Вот теперь перед нами и возникает вопрос: если органические ощущения составляют доминирующий момент эмоц. переживаний, то *возможна ли психотерапия эмоций?* Этот вопрос является почти что вопросом жизни и смерти психотерапии вообще, так как всякое наше разубеждение, всякий психоанализ наталкивает на заявление больного: «я все это понимаю, но ведь у меня непроизвольно наступает сердцебиение, одышка, покраснение и т.д. и с этим ничего не могу сделать, это не зависит от моей воли и т.под.». Перед такими заявлениями пасуют некоторые

психотерапевты. Так, например, Оппенгейм¹, который в своих критических замечаниях на статью Дюбуа пишет следующее:

«Дюбуа исходит из того факта, что интеллектуальный процесс, идея представляет собой *первичное* явление и что телесные явления в вазомоторной секреторной и т.п. областях, и сопровождающие их чувства, присоединяются к интеллектуальному акту, как вторичный процесс... Отсюда Дюбуа заключает, что при борьбе с болезненными идеями и чувствами главная задача врача состоит в убеждении, в диалектике. Здесь мы доходим до того пункта, где я должен встать в оппозиция по отношению к уважаемому психотерапевту», «Несомненно существуют случаи, где рациональная психотерапия излечивает больного совершенно в течении одной беседы с врачом, или такие, когда врач успешно руководит психотерапевтически больным, в течении почти всего существования последнего. Однако, на большие затруднения приходится наталкиваться при борьбе с весьма распространенными фобиями и состояниями боязни». «Справедливо, что идея и здесь является первичным процессом. Но не идея создает больному страдания и все мучения этого страдания, но те явления в телесной сфере, которые вызваны этой идеей; эти-то явления и придают фобии ее мучительный характер». Оппенгейм ссылается на примеры агорафобии, боязни грозы, боязни посещения театра и вообще толпы. В этих случаях больные бывают весьма интеллигентны и прекрасно понимают бессмысленность своей боязни, но никакая диалектика, даже самый ангельский голос не может избавить их от боязни, именно боязни телесных симптомов, боязни того, что если он пойдет через площадь, у него будет головокружение, сердцебиение, ноги подкосятся и т.д. И это действительно наступает. В этих случаях приходится убеждаться, что расстройство следует искать не в душевном процессе, а в ненормальной возбудимости центров для вазомоторных и висцеральных аппаратов. Правда, эти центры (бульбарные и спинальные) ненормально возбуждаются только при определенном положении и определенной констелляции идей. Однако часто можно привести доказательство, что возбудимость этих нервных аппаратов, соответственно общему характеру неврастении, повышена для всех раздражений, в каком бы направлении они ни возникали. Как раз патология может нас научить, что теория Джемса-Липнге не лишена известного основания, а именно душевное явление сравнительно слабого чувственного тона может усилиться вследствие ненормальной возбудимости соответствующих низших центров. Это воззрение следует принимать во внимание при вселении мужества в души больных и при *этической* оценке симптомов. «Мужество может великолепно восседать на троне в большом мозгу, в то время как боязнь деспотически повелевает в продолговатом».

Таким образом, теория Джемса, в значительной своей части вполне справедлива, является как бы аргументом против психотерапии состояний

¹ Zur Psychopathologie der Augstzustände. Bemerkungen zu dem Aufsatz Prof. Dubois in № 25 dieser Wochenschrift. Berl. Klin. W. № 28, 1909.

боязни. Дюбуа отвергает ее совершенно. Оппенгейм ссылается на нее в доказательство беспомощности психотерапии в некоторых случаях. На самом деле это не так. Следует только несколько дополнить теорию Джемса и обратить наше внимание на другие, кроме органических ощущений, моменты эмоции боязни, борьба с которыми путем психического влияния возможна и в изменении которых и органические ощущения потеряют свое значение. Иногда здесь полезно будет сослаться и на взгляд Лосского, согласно которому в состав эмоции входят и волевые усилия¹. Интересно само наблюдение Лосского в следующем случае.

«В течение одной зимы в моей комнате очень часто трескался паркет, и каждый раз треск его вызывал во мне, так как я был несколько расстроен, вздрагивание, интенсивное ощущение в области сердца, которое кажется происходящим от того, что сердце будто бы сжимается, и ощущения в области сосудистой системы из периферии тела. Психическое состояние при этом было типичным образом эмоции испуга, очень тягостной, как известно. Желая освободиться от нее, я стал бороться тем способом, который удачнее всего приводит к цели, когда хочешь отделаться от какой-нибудь неприятной привычки, именно всякий раз, когда она являлась, я мысленно живо представлял себе причину ее, то есть треск паркета, и мысленно настойчиво представлял себе, что воздерживаюсь от бессмысленной реакции. Через несколько дней я стал наблюдать такое явление: треск тотчас же вызывал во мне совершенно спокойную мысль о причине этого явления, я вовсе не вздрагивал, но в то же время с изумлением, и это изумление очень характерно в данном случае, воспринимал длительную волну неприятных ощущений из области сердца и сосудов. Психическое состояние складывалось почти из тех же органических ощущений, кроме вздрагивания, что и в первом случае, по крайней мере можно поручиться, что самые интенсивные и неприятные элементы были налицо, и несмотря на то, я бы не назвал это психическое состояние эмоцией и сравнил бы его с мигренью, нытьем почек и т.п. пассивно воспринимаемыми психическими состояниями, возникающими из перемен на периферии, не зависящих от сознания».

Лосский приводит этот пример в доказательство наличности волевого элемента в эмоциях, мы же можем им воспользоваться как примером самолечения. Так как раз органические ощущения перестают вызывать испуг, то они и сами скоро исчезнут бесследно.

Если мы разделяем то утверждение, что в эмоции боязни, как во всякой эмоции, характерным и доминирующим моментом являются органические ощущения, то зависимость этой эмоции от расстройств *половой эмоции* становится теоретически обоснованной, хотя и не в том смысле, что одна эмоция *переходит* в другую, а в том отношении, что расстройство одной может вызывать *компенсацию* в проявлениях другой. На практике это предположение всегда получает себе подтверждение. До сих пор я не видел

¹. В данном случае я подразумеваю под волею исключительно *психологических* факт волевых усилий, совершенно не касаясь метафизического понимания этого термина.

ни одного случая невроза боязни, где при тщательном исследовании половой жизни не приходилось бы встретить в последней тот или другой недочет. Проф. Джонс (Лондон) на последнем конгрессе медицинской психологии в Цюрихе (IX/12) заявил, что о сексуальной этиологии патологических страхов не стоит даже и говорить, настолько она очевидна. Я считаю только необходимым добавить, что все же остается невыясненным вопрос, *как широко следует понимать половую эмоцию.*

* *

*

Я поделился с вами теми мыслями, которые приходят в голову при чтении и попытке анализа «Записок сумасшедшего» независимо от их отношения к самому Льву Николаевичу. И в заключении своем я продолжаю придерживаться этой независимости. Тем не менее я должен указать на то ценное, что мы находим у автора «Записок», больного истерией боязни. Ценность эта — вдохновенное искание правды, искание справедливости, искание Бога. Это искание сохраняет свою высокую ценность, как бы его ни объясняли, хотя бы с точки зрения медицинского материализма, против которого так горячо и красно восстает Джемс в своем «Многообразии религиозного опыта». Джемс говорит между прочим, издеваясь над медицинским материализмом:

«Альфред так горячо верует в бессмертие души лишь оттого, что обладает болезненной чувствительностью. Чуткая совесть Фанни стоит в связи с ее излишнею нервностью. Меланхолическая окраска философии Уильяма зависит от плохого пищеварения: у него, наверно, засорение печени. Та отрада, какую находит Элиза в посещении церкви, объясняется ее истеричностью. И Петра меньше мучили бы вопросы о его душе, если бы он побольше упражнялся на чистом воздухе и т.д.»

В некоторых случаях это действительно так и бывает, но из этого не следует: 1) что такое объяснение *всегда* пригодно, 2) что таким объяснением мы деградируем, понижаем ценность самых исканий. Истерические симптомы в известном направлении представляют сами по себе положительную ценность, 3) объяснение происхождения какого-либо феномена, например Религиозных настроений из половой эмоции, это объяснение само по себе еще не унижает религиозного настроения. Последнее всецело может сохранять свое значение, *откуда бы оно ни развилось*. Раз развилось, мы должны считаться с тем, какое оно есть, независимо от того, откуда оно взялось.

Я не могу согласиться с Айхенвальдом¹, что «Записки сумасшедшего» — записки ищущего, то есть на самом деле самого нормального. Поскольку в них есть искание, это верно, но поскольку в них мы находим *разрешение* этих исканий, мы встречаем *больное*.

¹ Посмертные сочинения Л. Н. Толстого. С.П. 1912.

При выходе из церкви стояли нищие. «И мне вдруг стало ясно, что этого всего не должно быть. Мало того, что этого не должно быть, — что этого нет».

А нищие есть...

Психотерапия, 1913, № 3, с. 141—158

Биопсихологическая основа бреда душевнобольных

Л. М. Дрознес

*Почти всегда можно бредовые
идеи отличить от заблуждений,
свойственных нормальным людям,
разъясняя себе условия их развития.*

С. С. Корсаков

В психиатрической науке последнего десятилетия отмечается уклон в сторону новой схематизации. Прежний описательный метод, основанный на наблюдениях над формами и классификацией душевных заболеваний, постепенно уступает место наклонности к позитивному методу, опирающемуся на материальный субстрат разграничения видов душевных страданий.

Дань времени и успехам в области медицинской химии и бактериологии приносится и современной психиатрией, склоняющейся постепенно ко взгляду на душевную болезнь, как на следствие неправильного обмена веществ, уклонения от нормы функций желез внутренней секреции, то есть отравления, дискразии и инаниции.

В этом духе составлены все новейшие руководства по психиатрии, в этом же духе ведет свои исследования школа Крепелина, дающая тон и направление современной психиатрической науке. Описательно-клиническая психиатрия сделала свое дело, дав всестороннее и добросовестное изложение течения различных форм душевных заболеваний. При этом процессе были неизбежны детализация и раздробление видов душевных расстройств: затем наступило время приведения всех родственных форм к одной нозологической единице, и в этом отношении новые течения психиатрии вполне соответствуют назревшей в наше время потребности в систематизации.

Центр тяжести в определении форм душевных расстройств перенесен ныне из отдела симптоматологии в отдел этиологии и сопутствующих ей моментов. Отделы эти непрерывно пополняются новыми открытиями соответственно накоплению новых сведений в области других дисциплин. Как на яркий пример дружественного сотрудничества современной психиатрии с науками позитивного характера, можно указать на новейшие исследования Ногуши, устанавливающие присутствие спирохет Шауддина в мозгу паралитиков и на многие другие исследования, касающиеся желез внутренней секреции — Нурophysis, Thygeoid (эндогенный фактор Генле).

Исследования эти должны открыть новые горизонты в области лечения душевно-больных. Но пока, к сожалению, дело ограничивается лишь чрезмерным расширением этих перспектив, а успехи терапии душевных заболеваний по прежнему весьма ничтожны и по прежнему сводятся к принципу *ne poseas*.

В виду этого кажется тем более уместным продолжать исследования в направлении психологических моментов, на почве которых возникает душевная болезнь.

Все авторы единогласно указывают на невозможность провести резкую грань между состояниями психического здоровья и психической болезни. Из повседневного психиатрического опыта известно, что нередко больные проводят все подготовительные стадии своей болезни в обществе здоровых, нормальных людей, причем последние не замечают явных странностей и чудачеств болезненного характера, пока, наконец, болезнь не проявит себя каким-либо резким, ощутительным образом.

Во взглядах, галлюцинациях и бреде душевно-больных, в сущности, отмечается та же строгая последовательность, какая наблюдается в поступках и мыслях здоровых людей. Убедиться в этом удастся только после глубокого и строгого изучения бредовых состояний, каковая задача весьма часто представляется крайне затруднительной, так как цепь ассоциаций в бредовом состоянии почти всегда разорвана и представляет изъяды, делающие иногда непонятным все содержание бреда (отсюда название старой психиатрии: бредовые идеи — нелепые идеи).

Кроме того всегда представляется трудным следить за отрывочным течением мыслей, не связанных для исследующего практической последовательностью.

Поэтому бред душевно больных с внешней стороны бывает сходен с сновидениями здоровых людей и может носить тот же отпечаток непоследовательности и нелепых сочетаний. Но, если бы больной не опускал некоторых звеньев в своей бредовой речи, а произносил бы ее целиком в том же виде, как она рождается в его мозгу, то мы могли бы с точностью выяснить основу бредового мышления и проследить до его первоисточников. В отношении навязчивых идей невротиков и истериков в полной мере удастся провести психоаналитические изыскания подобного рода, и тогда перед нами раскрываются тайники происхождения внешних симптомов душевного расстройства.

Но есть формы бреда, при которых логика и связность течения идей не представляют отклонения от нормального. В случаях так называемого первичного бредового состояния, систематизированного бреда, вся картина бреда покоится на неправильности исходной точки данного мышления. При такой форме бреда легче уяснить себе картину происхождения его. Таким путем психоаналитической школе удалось постичь сущность болезненного мыслительного процесса, при котором мозг человека отказывается от кооперативного сотрудничества с окружающим человечеством и уходит в безумие. В психической деятельности душевно-больного, как типично

бредовой, так и приближающейся к нормальному, есть лишь одна отличительная черта, которую можно провести как грань, отделяющую здоровье от болезненного состояния. Отличительная черта эта состоит в том, что связанный с бредовой идеей аффект не имеет ничего общего с действительной жизнью и совершенно оторван от нее.

От душевно-здорового душевно-больной отличается, главным образом, тем, что в сфере его представлений отсутствуют элементы сочувствия и понимания других людей. Он чуждается всех окружающих людей, как знакомых и родных, так и чужих. Его не трогает их жизнь, и какова бы ни была по содержанию бредовая идея душевно-больного, ее назначение и биологический смысл заключаются именно в этой роли отчужденителя. Благодаря бредовой идее, одержимый ею бывает в состоянии надолго уйти от совместной сознательной жизни с другими окружающими его людьми; этой бредовой идеей он пользуется как посредником между своим внутренним миром и перелицованным, искаженным миром внешним.

Каковы бы ни были экзогенные раздражители, непосредственно предшествующие душевной болезни, все же причинная связь их с содержанием бреда остается темной. Остается, например, непонятным, почему после сифилитической инфекции содержание бреда больного прогрессивным параличом носит в большинстве случаев характер бреда величия; или почему при хроническом алкогольном психозе отличительной чертой бредового состояния является бред ревности. Не поддается также объяснению с точки зрения материально-монистического учения то обстоятельство, что не все сифилитики, но лишь 4,7% их заболевают прогрессивным параличом.

Очевидно, в возникновении психоза, типичного в каждом данном случае, помимо сифилитического яда, играют роль еще какие-то воздействия. Для заполнения этого пробела в логизации причинностей душевных заболеваний психиатрия допускает растяжимое понятие о наследственности. «Но на основании этого факта, что отец или мать, или оба родителя исследуемого лица страдали нервной болезнью, или даже помешательством, еще нельзя делать вывода, что и это лицо помешано, пока не будет доказано существование у него несомненным признаком тяжелой наследственности, или даже прирожденного расстройства умственных способностей, *и пока вообще не будут представлены еще иные, кроме наследственности, доказательства душевной болезни*» (Крафт-Эбинг).

В психиатрической практике принято понятием о наследственности уяснять происхождение всех тех болезненных случаев, когда экзогенные факторы, породившие психоз кажутся взору исследователя лишенными патогенной силы. Субъект перенес, например, шок в виде испуга на пожаре и через несколько месяцев заболел психически. Одного этого стимула мало, так как иначе многие, пострадавшие как и он, на том же пожаре, должны были бы заболеть. И вот тут то является спасительная, но не ясная теория преемственной недостаточности.

Но, во-первых, не всегда возможно, даже при желании, установить какие либо признаки наследственного отягощения: во вторых, таковые признаки наблюдаются у совершенно здоровых людей, все таки не болеющих психозом. С другой стороны, психиатрия до сих пор мало, почти совсем не интересовалась условиями воспитания, в которых находятся с самого раннего возраста дети родителей, отмеченных печатью дегенерации. А между тем, при надлежащем внимании к этой стороне жизни наших больных, причина болезни всегда выясняется из той роли, которую сыграло уродливое и безобразное воспитание. Если это иногда бывает сопряжено с трудностями в отношении душевно-больных, то зато легко осуществимо в практике на невротиках, представляющих благодарный материал для обследования условий их жизни в период ее развития, то есть в детстве и отрочестве.

Мир фантазий ребенка соткан из представлений, необходимых для жизненной эволюции индивидуума; созревание психики выливается в форме претворения детских и юношеских иллюзий в элементы практической жизни, и при этом аффект, дающий жизненную энергию фантазиям, продолжает руководить перцепирующим аппаратом, помогая сознанию применяться к условиям существования человека среди других людей.

Взгляды и действия взрослого человека носят неизгладимые черты влияний, которые воздействовали на его психику в детстве, и того угла зрения на внешний мир, под которым развивались и росли его первичные ирреальные мечты о жизни.

Бред душевно-больного представляется возвращением к фантазмагии детства. Больной не может бредить о том, что лежит вне плоскости его жизненного опыта, как истеричная больная не может в послегипнотическом состоянии выполнить требование гипнотизера, если оно ей непонятно.

Следовательно, картины прошлой жизни и весь опыт ее, включая и жизнь мечтаний и иллюзий раннего возраста, должны быть учтены и приняты во внимание при исследовании патологических состояний психики. Новейшая психиатрия делает шаг вперед и признает за известными психопатологическими состояниями права единой психологической сущности. Взгляд на циклотимические расстройства и на некоторую часть дементивных процессов расширился. Явилось обобщение маниакального и депрессивно-меланхолического состояний в одну форму функционального маниакально-депрессивного психоза. Прежняя циркулярная форма, таким образом, объединена термином, который в самом названии несет печать гомологического единства. В этом факте кроется признание единства в происхождении аффектов; один аффект способен заменять собой другой и парализовать приближение другого, как, например, аффект гнева исчезает под влиянием хотя бы легкого прикосновения иронии.

Точно так же существенной оказывается близость между идеями величия, бредом преследования и бредом самоуничтожения. В параноическом укладе бреда имеются в наличности все те фазы психических состояний,

когда чувство своей недостаточности (безразлично-психической или физической) направляет мысль в первой стадии ее болезненного развития на усиленное наблюдение окружающего; во второй стадии это усиленное внимание переходит в чувство преследования. Но ведь преследовать стоит лишь человека, выдающегося чемнибудь — отсюда бред величия. Последовательность в течении и развитии бредовых мыслей вполне выдержана.

Ясно, что не в самом процессе мышления заключается ядро психоза, как такового. Оно содержится в силе аффекта, останавливающего мысль исключительно на переоценке личности; ибо рядовой опыт показывает, что существуют субъекты с явной переоценкой личности, которых, однако, никто не признает душевно-больными.

Переоценка личности сама по себе, как и известные неправильности ассоциативной деятельности, еще не входит в область патологии, так как известно, что самомнение и ошибки сознания присущи и психической норме. Для бредового, и значит, болезненного состояния необходима специфическая односторонность, заслоняющая все стороны жизни, кроме одной — бредовой.

Здесь центр тяжести в процессе самодовлеющем, которым затронут вполне определенный фокус человеческой психики; малейшее ранение его вызывает расстройство *всего* комбинаторного и приспособляющего аппарата. Отдельных «пунктов» помешательства не бывает и не может быть, так как человек больной психически в одном каком-либо отношении, оказывается больным вообще. Таким образом, одна частичная идея болезненного характера оказывается выразителем разрушения всего мыслительного аппарата.

В деле прогноза, особенно в начале болезненного процесса, психиатрия не знает прочной базы; все основано на опыте, привычном глазу врача, который гадает с большей или меньшей вероятностью об исходе процесса. Даже начало таких частых и тяжелых заболеваний, как прогрессивный паралич и *dementia praecox*, нередко ускользает от правильной диагностики.

Такое положение дел в психиатрической практике не покажется странным при ближайшем ознакомлении с тем, насколько принятая этиология душевных страданий в действительности далека и не связана никакими логическими нитями с психическими проявлениями заболевания. Между физическим фактором и аффектом, толкающим патологическую мысль в определенном бредовом направлении, нет связи. Мало того, психиатрия не дает истолкования причин, ведущих к заболеванию алкоголизмом, прогрессивным параличом или паранойей, отсылая к теории наследственного предрасположения, которая является, как указано выше, далеко неисчерпывающей.

В целях выяснения происхождения бредовых состояний необходимо ввести в круг психиатрического опыта анализ в духе учения Фрейда, открывающий важные моменты в процессе развития личности.

Касаясь первоначально невротических проявлений, психический анализ выясняет отклонения в развитии большого психического ядра; отклонения эти могут быть сведены к некоторому единству, облегчающему наблюдение над жизнью здоровой и больной психики. Мало того, при стилизации психоаналитических догм мы находим отдаленную, но вполне рельефно обозначенную возможность душевной профилактики и терапии (Осипов, «О пансексуализме»).

В период психического развития деятельность фантазии играет особо важную подготовительную роль.

Всякое бредовое состояние носит отпечаток и представляет собой сколок с этих первобытных проявлений развивающейся психики. В обоих случаях наблюдается та же оторванность от действительной жизни, те же своеобразные законы последовательного течения мысли и, наконец, та же оригинальная ассоциативная деятельность.

Самой же важной аналогией этих двух процессов — фантазии и бреда — является единый движущий ими стимул-аффект. Фантазия и бред, как и сновидения, суть продукты мышления, рождаемые неудовлетворенным желанием. Аффект (чувство) недостаточности, неудовлетворенности жизнью дает толчок развитию тех элементов психики, которые восполняют душевную пустоту, аффект этот представляет естественный закон психической жизни, участие которого неизбежно во всех соответствующих переживаниях субъекта, и этому аффекту психоаналитической школой присвоено название гомосексуального компонента либидо.

Движимое аффектом течение психических представлений всегда имеет особый характер агрессии, стремления к достижению. В мечтах юноши, в грезах взрослого, как и в бреде душевно-больного находят себе в одинаковой мере проявления те именно душевные силы, которые подавляются условиями окружающей среды и могут отражаться лишь в ирреальных формах фантазии или бреда.

В детстве жизненный опыт черпается из тех впечатлений, которые исходят от лиц, близко стоящих к ребенку. Другими словами, постижение жизни происходит через непосредственное влияние других людей. Поэтому в создающийся таким образом круг восприятия и реакции на действительность входят лишь те эмоции, которыми живет известная среда.

В этот период получает свое развитие первый этап гомосексуальной зависимости.

Я должен отказаться от детального изложения здесь теории сексуальности. Представляю лишь окончательные формы психоаналитического исследования о сущности и влиянии гомосексуального компонента на уклад личности и на происхождение бредового состояния.

В развитии мужской и женской идеологии принимают участие своеобразные элементы гомосексуального характера, в силу которых мы получаем столь различные по своей констелляции психологии. Происходит это от известного направления психической деятельности, которое, в свою очередь, создается аффектом гомосексуальной зависимости. Зависимость эта

заставляет ребенка с первых же дне земного существования приспособляться к тому кругу представления (мужского или женского типа), среди которых будет протекать его дальнейшая деятельность.

Мальчику не свойственно увлекаться игрой в куклы, девочке — игрой в солдаты. Сфера их фантазий будет так же последовательно ограничена свойственными их полу представлениями. И в бредовом состоянии сохраняются те же отличительные черты: у мужчин почти не встречаются бредовые идеи, касающиеся деторождения, как у женщин — идеи милитаристические.

Поэтому область детских фантазий имеет чрезвычайно важное значение и подлежит правильному воспитанию, так как представляет подготовительный период для всех последующей жизни индивидуума. Ребенок, запаздывающий со своими детскими играми, неохотно сменяющий их на практическую деятельность взрослого, носит название отсталого, так как в созревании психики требуется известная закономерность. При этом необходимо помнить, что зрелость психики покоится на всех предыдущих этапах развития ее.

В психоанализе мы находим подтверждение того взгляда, что в тех случаях, когда душевная деятельность человека становится ненормальной, она с самого начала испытывала ряд нарушений на различных этапах своего развития. Мысль душевно-больного возвращается снова в колыбель своего возникновения, в мир детских фантазий и грез, как бы пытаясь пережить их снова и стремясь коррегировать в них что-то.

Мир фантазий и мир бредовых идей родственным между собой. Но исход этих двух состояний не одинаков. В то время как фантазии и мечтания юноши сменяются приспособлением к действительной жизни, бредовые состояния нередко ведут к полной психической несостоятельности, кончаются абсолютной неспособностью приспособления.

Такой исход бредовых состояний зависит всецело от неправильно сложившегося гомосексуального компонента в определенные моменты его развития, которые характеризуются тем, что все представления жизненного типа находились в этот период под влиянием аффекта подражания лицам своего же пола.

Поэтому в патогенезе бредового состояния играет преимущественно активную роль возрастной период от 2–6 лет, когда в аффекте гомосексуальной зависимости возможны наиболее чувствительные отклонения от нормы.

Мало того, в силу этого наблюдения, приходится утверждать, что искажение, претерпеваемое аффектом гомосексуальной зависимости на первом этапе его развития, является абсолютно необходимым фактором, первоосновой, *primum movens*, будущего психоза.

Исследования паранойяльных состояний с явственными идеями преследования и величия (не имеющими ничего общего с навязчивыми представлениями невротиков) вводят, как видно из приведенных ниже

историй болезни, в круг понимания с указанной точки зрения механизма бредовых состояний.

Больной А. Д-ий, 35 лет, служил в банке.

Явился в начале ноября 1911 г. С жалобой на угнетенное настроение; все люди опротивели ему, он стремится уйти от общения с ними. Даже с родными у него установились холодные, официальные отношения. Всегда испытывает тяжесть головы, неспособность к регулярной работе. В последнее время тяжесть головы перешла в головную боль, начинающую мучить больного с утра, и собственно это заставило его обратиться к врачу. При физикальном исследовании внутренние органы оказались в норме. Сердечная деятельность в порядке.

После тщательных расспросов выяснилось, что его преследуют неизвестные лица за какие-то неопределенные проступки им совершенные, следят за ним, и он может чувствовать себя спокойным лишь дома, при условии полного уединения.

Началось это состояние семь лет тому назад припадком временного психического бессилия при следующих обстоятельствах. Больной был приглашен к участию в обряде крещения в качестве крестного отца. В тот момент, когда ему пришлось держать на руках ребенка, он вдруг почувствовал какой-то страх, быстро сменившийся ощущением полной беспомощности; ему представилось, что глаза всех присутствующих обращены на него с выражением гнева и негодования по поводу того, что такой преступный и ужасный субъект, как он, осмеливается выполнять священный и высокий обряд. Чувствуя себя все хуже и слабее, он был вынужден передать ребенка матери и удалиться из церкви. С тех пор начались его мучения. Чувство неловкости перед окружающими перешло в боязнь, связанную с безотчетными представлениями о том, что в конце концов он должен пострадать из-за чьих-то козней.

Припадок в церкви был лишь началом этих посторонних влияний. Кто его противники — он не знает, и это лишь ухудшает его положение, так как неизвестно, от кого защищаться. Он стал нелюдимым, мрачным и необщительным. Пришлось расстаться и с своей сожительницей, и в половом отношении удовлетворять себя случайными приключениями на улице, которые, в свою очередь, становились все менее доступными для больного из-за боязни выходить на улицу.

Наряду с бредом преследования стала доминировать навязчивая идея пансексуализации. Больной не мог отделаться от представления, что он великий грешник, так как ему приходят в голову непотребные мысли: все на что бы ни падал его взор, обращалось в объект сексуальных вожделений, и это было особенно для него мучительно, в то время как бред преследования, в достаточной степени логизованный, переносился довольно легко, как необходимая составная часть его жизненных условий.

Собаки, лошади, люди и неодушевленные предметы являлись для него созданными по преимуществу для половых целей. При виде входящей в контору дамы или склонившегося над пюпитром сослуживца, ему

представлялась картина коитуса *per anum*, в котором он принимал активное участие.

В связи с этим представлением непосредственно возникал аффект виновности, иногда до того сильный, что больной не в силах был удержать слез.

Это мучительное состояние продолжается уже около шести лет и постепенно приводит его к мысли о необходимости оставить служебную деятельность — единственную оставшуюся у него возможность общения с людьми. Но если бы не головная боль, он никогда бы не обратился к врачу, так как считает свое состояние, хотя и мучительным, но естественным для себя.

Все изложенные переживания удалось выяснить в течение двадцати часов психоаналитической работы на протяжении двух месяцев. Особого облегчения она не принесла, если не считать ослабления головной боли и большого доверия, завоеванного врачом.

31 декабря 1911 года больной явился на сеанс в несколько приподнятом настроении и потребовал, чтобы психоанализ был заменен гипнозом, так как, видимо, лечение не приносит пользы.

После отказа лечить его гипнозом он, скрепя сердце решил подчиниться. Это был момент, когда сопротивление (*Widerstand*) уступало свою позицию.

3 января 1912 года больной является на сеанс в сильном возбуждении, не может первое время произнести ни слова, задыхается и начинает рыдать. Успокоившись, он говорит, что после двух ночей с яркими сновидениями, он вспомнил события своего детства, о которых он совершенно забыл, но которые играли громадную роль в переживаниях его детства.

В ночь с 31 декабря на 1 января ему снились собаки различных пород в момент их скрещивания.

В ночь с 1 на 2 января ему снился громадный пес; больной проснулся в холодном поту от ужаса и от непосредственного воспоминания о двух фактах своей жизни.

Первое воспоминание касалось периода восьмилетнего возраста, когда он начал заниматься онанизмом.

В доме был громадный дог, который был объектом частых онанических покушений со стороны мальчика.

Однажды, когда родителей дома не было (было время переезда на дачу), больной стал мастурбировать при помощи собаки, давая ей лизать свои половые органы. Одновременно ему пришло в голову совершить коитус *per anum*. При этой попытке дог пришел в ярость, вонзил свои клыки в пенис ребенка; больной не помнил себя от ужаса, едва вырвался из зубов разъяренного животного и, убежав к себе в комнату, лишился чувств. Что дальше было, он не знает, может лишь вспомнить испытанное им чувство безграничного ужаса, когда увидел себя окровавленным, когда «кровь

смешалась с спермой»¹ и когда он почувствовал себя страшным преступником.

Второе воспоминание относится ко времени раннего детства (4–6 годам). Отец больного нередко имел обыкновение класть его спать к себе в постель. Из чисто детского любопытства он делал различные наблюдения над обнаженным телом отца, и пользуясь его сном, производил постыдные манипуляции. Однажды, пойманный отцом в один из таких моментов, он был побить им, причем отец сказал: разве ты собака, чтобы делать такие гадости, ведь ты крещенный, и Бог тебя накажет за такие штуки. Несмотря на понесенное за проступок наказание, больной не считал себя искупившим свою вину, и это неразрешившееся чувство вины стало угнетать его. Особенно тяжела была для него угроза возмездия от Бога, который в его представлении являлся преемником прерогатив отца.

Никогда в жизни (уже забыв про эти происшествия) он не мог отделаться от гнетущего чувства. Его братья и сестры были с его точки зрения свободными людьми со спокойной совестью, тогда как ему рано или поздно придется отвечать за свои греховные помыслы и деяния. Не женился больной по той же причине.

Однако, все шло сравнительно благополучно до тех пор, пока заложенный в подсознании аффект греховности не приходил в прямое прикосновение с несущими в себе разряд требованиями внешней жизни. Легко понять, с какими стараниями сам больной обходил все опасные положения. И тем не менее момент припадка в церкви пробудил к жизни всю коллизию неблагоприятно констеллированного отцовского комплекса, поведшего психику больного по пути бредовой (ирреальной) идеологии.

По догмам воспринятого им с детства вероучения ему надлежало в момент крещения стать крестным *отцом* ребенка. Но стать вообще *отцом* больной не был в состоянии, так как психический стимул громадной силы *препятствовал ему считать себя достойным и равным своего отца*.

Мысль, искалечившая мирозерцание в самых существенных частях, прошла в подсознании на протяжении десятилетий и выявилась в момент наиболее всего подходящий для максимума ее динамики.

Не трудно представить себе, насколько тяжела была жизнь больного и до 28 летнего возраста, то есть до начала собственно болезненного периода. Скрытое ядро болезненно сочетавшегося чувства гомосексуальной зависимости наложило свою печать на все моменты жизненного достижения, в которых он должен был проявить себя, как личность, имеющая право занять свое место в жизни. Подсознательный стимул, лишивший его этого права, довел его психику до необходимости бегства в мир бредовых идей.

После описанных выше разъяснений состояние больного быстро улучшилось, бред исчез; последняя встреча с больным была в ресторане. Ход анализа: через сновидение выясняется базис первичной гомосексуальной

¹ Видимо, псевдореминисценция с представлением о сперме, приобретенном в более позднем периоде жизни.)

зависимости от угрозы отца и дальнейшее искажение всей апперцепции действительной жизни.

Таким образом, приводя определение проф. Бинсвангера: «самым важным признаком так называемых первичных бредовых идей является их происхождение из ненормального душевного чувства, зависящего от переоценки собственной личности» — следует прибавить, что переоценка эта идеогенетически связана с травмой гомосексуального ядра на первом этапе его развития.

Больной С. К-в, 24 лет студент-юрист, прислан одним из пользовавших его врачей для лечения психотерапией.

Первая жалоба, которую я от него услышал, касалась того, что его угнетает сложившееся у всех окружающих мнение о нем, как об инородце, а между тем он чистокровный русский. Эту мысль о себе он читал во взглядах не только близких товарищей, но и совершенно чужих людей, встреченных на улице. Временами подозрительность доходила до такой степени, что он делал попытки выяснить недоразумение, и нередко объяснения кончались скандалами. Если он сталкивался на тротуаре с человеком, пристально на него посмотревшим, он принимал это за знак пренебрежительного к нему отношения, которое можно себе позволить лишь в отношении лица низшей расы. В таком случае он демонстративно не уступал дороги и часто своим вызывающим поведением доводил дело до конфликтов, во время которых, как ему казалось, ему удавалось убедить лицо, враждебно к нему относящееся, в том, что он не инородец.

Между прочим ему были определено известны лица, которым могло быть выгодно ставить его в положение человека, лишенного многих человеческих прав. Сожительство с товарищами в одной комнате обычно кончалось либо холодными отношениями, либо полным разрывом, так как в каждом возражении больной видел стремление унижить его. Так же трудно ему было стоять перед экзаменатором, и потому он не мог выдержать ни одного экзамена за все три года пребывания в университете: на лицах профессоров он видел снова пренебрежение к себе, как к инородцу.

Началось это неблагоприятное существование около пяти лет тому назад вскоре после окончания им гимназии. За эти пять лет он обнаружил странное легкомыслие в своих материальных делах, растратив без расчета маленькое наследство, доставшееся ему от деда.

Анализ привел к выяснению следующих фактов, несущих связь прошлого больного с настоящим содержанием его бредовых идей.

Родился и вырос больной (до окончания гимназии) в одном из небольших городов Крыма, находясь на попечении деда. Особого воспитания не получил, проводя большую часть времени на улице и имея товарищами разношерстную компанию армянских и татарских ребяташек. Среди игр и забав этой компании особенно памяты ему манипуляции сексуального характера, сводившиеся к взаимному онанизму и к *coitus per anum*.

По словам больного, он с отвращением подчинялся требованиям сверстников и всегда играл пассивную роль; но его всегда угнетала мысль о

том, что он недостаточно энергичен для активного участия в педерастическом акте.

С течением времени общение с уличными друзьями прекратилось и с 12-летнего возраста больной вошел в круг интересов своих товарищей по гимназии. Однако, он легко и здесь стал подчиняться влиянию каждого, с кем ни сближался.

Внутренний протест против своей индивидуальной неустойчивости выразился в стремлении сделаться физически выдающимся человеком, силачом. Постоянный тренировкой и усиленной гимнастикой больной надеялся достичь компенсации своей малоценности в других отношениях. Чувство мужского протеста (Адлер) особенно ярко охватывает этот период возмужания (12–17 лет), тем более, что и в этот период и позднее он не мог избавиться от мысли, что недостаточно способен к какой бы то ни было самостоятельной и активной деятельности.

Он чувствовал, что ему необходимо найти поддержку в «идее вне себя». Этой общей (предбредовой) идеей послужило убеждение, что он не может чувствовать себя отверженным и несчастным, раз он происходит от такого могучего и сильного народа, как русский. В фантазиях своих он резко стал отделять себя от многих неравных ему лиц, присоединяя себя к плеяде избранных, чистокровных русских.

Родителей своих он не помнил, к деду же относился недружелюбно, так как в их отношения вкрался унижающий больного фактор: под влиянием своих уличных товарищей он при всякой возможности таскал у своего деда мелкие деньги. Силой аффективных переживаний больной исключил своего воспитателя из круга возможных доброжелателей, проецируя на деда всю массу негодования, которое тот имел бы право питать против него, если бы знал о его кражах.

Моральное одиночество больного в период детства и отрочества было полным, так как он не мог приспособиться к унижительности выпавшей на его долю пассивной роли. Постепенно анализ выяснил, что бредовое состояние, как и болезненная подозрительность больного, вытекают из массы нравственных мучений, которые доставляют ему смуглый цвет кожи, служивший в свое время предметом издевательств его товарищей. Всякое напоминание о сходстве цвета его кожи с цветом кожи человека южного происхождения приводит его в угнетенное состояние, так как служит намеком на причисление его к инородцам.

Чувствительность больного к этому признаку так сильна до сих пор, что, выходя на улицу, он поднимает воротник шинели и обязательно надевает перчатки.

Если он забывает это сделать, то его подозрительность и аффективное отношение к окружающим резко усиливаются, так что он легко склонен в такие моменты к агрессии.

Здесь приведены главные черты развития общественного инстинкта больного. Легко видеть, каким искажениям подвергся в различные моменты своей эволюции аффект гомосексуальной зависимости. Полное одиночество

в детском возрасте, отсутствие прочного покровительства и идеала, способного играть необходимую роль в правильной установке отцовского комплекса, сделали свое дело; больному пришлось диссоциировать первичное чувство привязанности, соединив его с товарищами детства, влияние которых привело этот аффект к сознанию малоценности.

Еще шаг вперед — и болезненное чувство малоценности компенсаторно рождает бредовую идею о национальном величии.

Бредовая идея величия неизменно встречает себе противника в форме навязчивого представления об особом значении смуглого цвета кожи, и нетрудно видеть, насколько предопределено самое существование этих органически связанных между собой антагонистов.

Попутно следует указать, что точка зрения учения Адлера о малоценности органов не может привести к тому пункту, который мог бы служить исходным моментом заболевания. Самое чувство малоценности есть производное более раннего, основного чувства гомосексуальной зависимости.

Каким образом субъект может считать какой бы то ни было орган своего тела (*resp.*) малоценным, если предварительно ему не была дана возможность сравнения. Именно в момент этого сравнения (приспособления), в самом импульсе к процессу сравнения лежит первооснова для задатков психического здоровья или болезни.

Иначе говоря. Рождение чувства недостаточности необходимо должно пройти через чувство зависимости от более совершенного.

Разница в констелляции гомосексуального компонента описанных двух случаев касается лишь морфологии. Тогда как в первом случае мы имеем дело с единичной травмой, во втором — процесс травматизации растянулся в целую цепь неблагоприятных воздействий.

Это не представляется явлением редким, так как в практике часто приходится сталкиваться с психическими травмами бесформенного, неопределенно-морфологического типа. Объясняется эта бесформенность тем, что в раннем возрасте может не быть в лексиконе ребенка названия тем инцестуозным явлениям, свидетелями или участниками которых он является. Год тому назад я получил письмо от студента К-ва с извещением, что он успешно держит экзамены. Общее состояние хорошее; предсказание плохое. Больной Н. П-ко, 30 лет, коммерсант. Явился 5 января 1912 года на прием с жалобой, что все подозревают его в убийстве своего ребенка. Он женат гражданским браком. По его словам, вообще принято думать, что в таких браках детей стремятся устранять, как нежелательный элемент.

Его сын умер от коклюша во время его отсутствия из дому. Теперь его мучает мысль, что он может стать жертвой обвинения в детоубийстве. Указание врача на то, что смерть сына произошла в его отсутствие и, значит, он не может быть заподозрен в ней, его не успокоило: у него есть враги, которым выгодно его погубить.

Греховные мысли о том, что дети в его положении — лишняя обуза, мысли, которые мелькали у него в свое время и были подавлены, как

преступные и недозволенные, теперь приняли особую форму. Эти мысли и теперь не сознаются больным, но упреки и укоризны самому себе он приписывает окружающим и зорко присматривается, нет ли где-нибудь угрожающих ему симптомов. Свои сомнения и угрызения он проецирует во внешний мир, передавая функцию обвинения всем живущим около него лицам без особого разбора.

В дальнейшем анализ выяснил следующую конструкцию бредовых идей больного.

Основной драмой его детства была неизвестность, которая сопровождала его происхождение. Мать больного была замужем да раза, и он был сыном от второго брака.

Однако, до 13-летнего возраста в его душе царил мучительное сомнение, кого он должен считать своим отцом, у кого он имеет право получить свою долю нежности, которой пользуются его братья и сестры. Больной не был в состоянии отрешиться от мысли, что только от настоящего отца он имеет право требовать искренней ласки. В семье он считался угрюмым и диким ребенком; но помнит, что сильно страдал от отсутствия теплоты и ласки и от третирования и издевательств прислуги, которая подметила его слабость.

Однажды, чтобы узнать, действительно ли второй муж матери — его отец, он совершил поджог, рассчитывая, что отец не накажет жестоко своего кровного сына. Но у него не хватило мужества сознаться в вине, и двойственное положение осталось неразрешенным. Далее идут воспоминания фантазий, которыми оперировал больной в детском возрасте. Фантазии эти сводились к различным картинам смерти отца, которая разрешила бы все его сомнения. В этом случае все его братья и сестры оказались бы без отца, лишеными его ласк и нежности, как ион, то есть стали бы в его представлении такими же *незаконнорожденными*.

Далее не трудно было выяснить значение для больного гражданского брака, в котором он жил: он не мог победить в себе страха и отвращения к законному браку, непонятное содержание которого доставило ему в детстве такое страдание.

Связанный воспоминаниями о грешных мечтах своего детства, когда он с таким легкомыслием играл страшной мыслью о смерти отца, он боялся, что и в своих детях он найдет такое же отношение к себе. Одно время он внимательно присматривался и наблюдал чувство, которое питал к нему его пятилетний сын, а затем мучительно копался в каждой мелочи¹. И нередко мысли о том, что лучше было бы его ребенку умереть, чем относиться к своему отцу, так как он, больной, относился к своему, мелькали в уме больного, но эти мысли, тяжелые и греховные, были далеко отодвинуты от сферы отчетливого восприятия сознанием.

¹ Из этого признания больного можно вывести предположение о том, насколько неправильно велось воспитание его собственного ребенка — по-видимому, второго невротически расположенного поколения.

Вся логизация бреда преследования и проекция собственных подозрений во внешний мир типичны для паранойяльной формы.

Хотя все три описанных случая после лечения психотерапией дали хороший результат, тем не менее прогноз следует поставить неутешительный.

Остановка развития или искажение гомосексуального компонента в первичной стадии (то есть в стадии полной зависимости — до наступления периода критики) дает картину шизофренического распада личности. Аффект первообразования гомосексуальной зависимости, разбитый или нарушенный в своей цельности, не может поддаться полной реорганизации. *На протяжении всей индивидуальной жизни больного аффект этот останется ядром потенциальной энергии, способным излучить в любой момент наименьшего сопротивления психики весь поток своих ирреально созданных отношений к действительной жизни.*

* *

*

Для появления бредового состояния необходим физический субстрат — заболевание головного мозга.

Характер же бреда обуславливается исключительно психическими моментами, лежащими в основу развития личности, как таковой. Если известна психическая структура данного субъекта до заболевания, то возможно безошибочно предсказать, будет ли он в болезненном состоянии высказывать предпочтительно паранойяльные или грандиозные идеи бреда. Именно характер этих возможных бредовых идей явствует вполне точно из психического уклада, который получился в раннем детстве и с которым субъект оперировал на своем жизненном пути до момента заболевания.

Можно с уверенностью сказать, что например, при апатической форме прогрессивного паралича психическая констелляция больного не имела в себе бредового предрасположения.

Таким образом «в качестве результирующего продукта основного болезненного процесса патолого-анатомический субстрат может подлежать включению в область симптоматики заболевания, но отнюдь не может служить, преимущественно перед прочими симптомами, к выяснению первоосновы болезни или ее патогенеза» (А. Бернштейн).

Очевидно, роль факторов, результирующих бредовый процесс, должна быть присуща элементам психогенного типа.

Как пример аналогии можно привести явление атрофии из заболеваний соматического ряда. Орган, функциональная деятельность которого нарушена и сведена на нет, обречен на процесс обратного развития (*Atrophia ex inactivitate*). То же происходит с элементами душевной жизни, когда роль их подавляется в силу различных условий. В особенности закон этот имеет силу в ряду явлений, конструирующих человеческую жизнь в смысле взаимоотношений с остальным одушевленным миром, иными словами, в ряду аффектов гомосексуального компонента.

Вытеснение, подавление и длительно протекающие *Hemmung*'и, и искажающие *in statu nascendi* нормальное развитие компонента, дают тот психопатологический узел, который представляет наиболее чувствительную и вместе с тем наименее устойчивую область психики.

В приведенных историях болезни фокус ранения явственно сосредоточивался вокруг гомосексуального ядра. Если бы попутно удалось найти патологоанатомическим путем аномалии мозговой ткани, то все же этим не умалилось бы значение психической конституции, создавшейся определенным психобиологическим опытом.

Наиболее характерным моментом этого опыта был насильственно созданный застой, то есть остановка развития гомосексуальных тенденций, следствием которого явилась (атрофия) невозможность свободно жить среди других людей.

Бред больных всеми своими гранями касается этой невозможности, ею одной лишь питается и с биопсихологической стороны представляет интерес характерного атавистического процесса: его назначение и биологический смысл как бы сводятся к тому, чтобы привести психику обратно к перепутью, на котором произошла роковая ошибка.

Только лишь анализ психической *vitae ante* может осветить настоящее значение наследственного отягощения в индивидуальной жизни и в патопсихическом диатезе. Нозегенная дисплазия нервных элементов, указываемая многими авторами при патологической склонности (Вагнер, Пилоц Некке)¹ и сводящаяся к органической малоценности мозговой ткани *ab ovo*, не дает нам ключа к пониманию ненормальной психической деятельности. А потому, если даже и признать за понятием наследственного предрасположения право *agent provocateur* болезненных состояний, то тут же необходимо точно отметить сферу его воздействия в отношении чисто психических проявлений, минуя вопрос физической дискразии.

И в этом смысле наследственность может быть истолкована, как фактор, дающий толчок к неправильной констелляции гомосексуального компонента; следовательно, наследственное отягощение, благодаря передаче следующему поколению травмы в аффекте гомосексуальной зависимости, предопределяет психоз. Будущий душевно-больной уже в детстве оказывается обладателем психического уклада, ведущего через известный инкубационный период к выявлению реальной психической несостоятельности.

Во всех трех представленных случаях можно установить более или менее продолжительный период, когда болезнь готовилась к своему проявлению. Предположим, что для развития психоза необходимы: 1) наследственное предрасположение, 2) известное строение психического уклада и 3) дающий непосредственный толчок заболеванию агент внешней жизни.

¹ Вопрос о роли нислевских телец и тигроидной субстанции — исследования Биаха, Вайгерта, Акверре, Пика, Райха, Штерна, Орцеховски.

В этом случае мы должны остановиться на той точке зрения, что первые два момента сливаются в один. Ибо не представляется возможным доказать, что если искажение или остановка развития гомосексуального ядра бывают благоприобретенными, то они не могут быть также и унаследованными.

Такое истолкование понятия преемственности делает более приемлемой теорию наследственности, нередко являющуюся в наших взглядах краеугольным камнем здания психоза. Для иллюстрации этого положения можно представить схему развития бредовых состояний при прогрессивном параличе.

В практике наблюдается, что прогрессивным параличом в огромном большинстве случаев заболевают лица более или менее рафинированной психической установки и в том или ином отношении стоящие выше нормального уровня своей среды. Стимулом для такого поднятия являются чувство *Minderwertigkeit*, которое, в свою очередь, рождается из переживаний элементов гомосексуальной зависимости.

Преодоление чувства гомосексуальной зависимости на первом этапе его развития обуславливает нормальный ход эволюции личности и провоцирует сверхкомпенсацию (Адлер).

Такого рода сверхкомпенсация дает жизненный успех данному индивидууму и вызывает аффективно чувство своего превосходства над окружающими. Это чувство превосходства, изживаемое в нормальном состоянии в подсознании есть зародыш бредовой идеи величия.

Таким образом, бред при прогрессивном параличе, равно как при *dementia praecox* является законным последствием бредового предрасположения.

Остается прибавить, что, в случаях возникновения психоза в зрелом возрасте, преодоление первичного аффекта гомосексуальной зависимости совершилось не полностью, другими словами, претерпело остановку в своем развитии.

Что касается остановки развития или искажения аффекта зависимости на его последующих этапах (критики, оправдания, и аболиционирования), то последствиями этих случаев являются заболевания типа невротического; в рассмотрение их мы не входим.

Предложенными здесь для разбора тремя историями болезни я не исчерпал всех находящихся в моем распоряжении вполне исследованных случаев, но ограничился выбором наиболее демонстративных.

Лечение психоанализом в значительной степени возрождало к жизни отмиравшие психические элементы и давало возможность больным сблизиться с реальным миром. Успех этот, очень благотворно отразившийся на практической жизни больных, все же имел свои границы, так как воскресшие душевные силы не могут обладать той устойчивостью, которая свойственна силам, никогда не увядавшим. Но несмотря на это, с точки зрения терапии можно сделать один лишь вывод: хотя лечение психоанализом и приносит значительное облегчение больному, но так как

*оно требует от врача огромной затраты энергии и сил, то часто для больного этот метод лечения остается *primum desiderium*.*

***Терапевтическое обозрение,
1914, № 4, с. 108–117***

Патопсихология

С. А. Суханов

I

С давних пор внимание исследователей психических явлений обращалось также и на проявления последних в аномальных состояниях; но надо сказать, что в течение длинного периода времени патология человеческого духа не давала сколько-нибудь прочного и интересного для психологов материала. Это объясняется отчасти, по крайней мере, тем, что и сама психопатология сравнительно недавно вошла в кадр признанных научных дисциплин, не так давно выработала свою методику; и в таком положении научная психопатология нового периода находится лишь немногим более одного столетия. Так как в психопатологии прежде обычно сводилось дело лишь к выяснению клинической стороны, — к описанию различных признаков, из которых со временем были выделены нозологические единицы, то понятно, что психопатология того периода не могла привлекать особенно внимание психологов, ибо она была погружена, главным образом, в собственные узкие интересы. Да и методика ее была еще настолько несовершенна, что не позволяла заниматься изучением более легких аномальных состояний; грубое же расстройство психической деятельности представляло интерес, преимущественно, для психиатра-клинициста. После того, как было выделено, оценено и классифицировано все то, в чем выражалось резкое поражение психики, явилась возможность заняться наблюдением и исследованием более тонких патологических состояний. Считавшихся прежде относящимися к норме или не замечавшихся наблюдателями. За последние десятилетия в области психопатологии стали, между прочим, заниматься изучением так назыв. функциональных расстройств; тут были выдвинуты на первый план различные психогенные признаки. Достаточно будет упомянуть пока, например, об истерических явлениях. Эти последние, странные и курьезные иногда с внешней страны, заинтересовали не только психиатров, но и профессиональных психологов; и в западной Европе не раз в собраниях ученых обществ и на научных съездах те и другие совместно обсуждали вопрос об истерических явлениях. На гипотезах и теориях, предлагавшихся для объяснения истерии лежит, без сомнения, печать представителей отвлеченной мыли. И если последние оказали здесь свою ценную услугу, то надо добавить, что и психопатология дала психологам богатый и обильный материал для решения, может быть, даже некоторых частных психологических вопросов. С другой стороны, с тех пор, как мы детальнее познакомились с психическим состоянием субъектов, стоящих на границе патологии и нормы, необходимым стал для психопатолога более обстоятельный и научно-психологический анализ наблюдаемых аномальных явлений; и это требовало от психопатолога углубления в вопросы чисто-

психологические, иногда далеко уводящие его от области клинической психиатрии.

За последние годы среди некоторых исследователей, изучающих аномальные психические состояния, все больше и больше обращается внимание на установление психологических законов, управляющих болезненными состояниями, и на выяснение чрез них психологических законов наших нормальных состояний. И, вследствие этой тенденции, стала обособляться новая научная дисциплина, носящая теперь довольно уже распространенное название «патологическая психология». В самое недавнее время появился и новый термин «патопсихология».

Действительно, некоторые субъекты с функциональными психическими аномалиями и с так назыв. Психогенными симптомами дают богатый и любопытный материал для понимания многих сторон душевной деятельности человека, для уяснения многих сторон индивидуальной психологии. Эти данные, относящиеся к области «патопсихологии», освещают иногда своеобразно различные стороны душевной деятельности; они дают и нечто новое, помогающее нам лучше оценить, например, роль эмоциональной сферы или самые глубокие обоснования волевых проявлений и т.д.

Кроме того, следует заметить еще что иной раз в аномальных состояниях встречаются изолированные до некоторой степени расстройства психики; так например, может быть преимущественное поражение памяти; и эти случаи дают, конечно, ценный материал для более детального выяснения того, что такое память; некоторые законы, касающиеся ее, выступают, пожалуй, резче и ярче, если к самонаблюдению присоединяются еще также и факты из области патологии памяти.

Наконец, функциональные аномалии в области человеческого духа, показывают, что известные аномалии встречаются обычно, если не всегда, в определенном сочетании между собою; интересно указать, например, на то, что слабость морального чувства сочетается почти всегда с понижением интеллектуального чувства, выражающимся в наклонности данного субъекта к паралогизмам явно патологического свойства. Замечается, что навязчивые психические состояния комбинируются обычно с достаточно развитым моральным чувством.

То, что относится к функциональным психическим аномалиям, находящимся в связи с прирожденными уклонениями от нормы, не может быть резко и определенно отграничено от последней, и нашей психике свойственны некоторые функциональные недостатки в форме так назыв. Обмолвок. Описок, очиток, забывания имен, иностранных слов, забывания впечатлений и намерений, в виде ошибочных действий. *Фрейд*, начав с изучения и анализа истерических признаков, нашел, что упомянутые и названные недостатки, свойственные нормальной психике, служат выражением тех же психологических законов, которые удалось впервые установить ему на основании наблюдений над душевным состоянием несомненных патологических субъектов. Пользуясь своеобразным методом,

носящим название психоанализа, Фрейд приходит к выводу, что наши поступки и действия, считающиеся случайными и непреднамеренными, оказываются вполне мотивированными и детерминированными; и эти мотивы являются скрытыми от нашего сознания, остающегося словно в заблуждении и даже протестующего обычно против открывающейся мотивировки. Если вы забыли како-нибудь имя собственное, то это вовсе — не случайность; в ваших прежних переживаниях при психоанализе обнаружится мотив, исходящий из области подсознательного. Когда кому-нибудь придется по ошибке подняться этажом выше или ниже и подойти к двери другой квартиры, а не той, какая именно нужна, то и здесь, в этом действии по рассеянности, найдется, наверное, определенный и, может быть, неожиданный для сознательного Я, мотив и известная целесообразность со стороны подсознательного Я. Хорошо известно, что при корректурах пропускаются по рассеянности часто определенные ошибки. И во всех подобных случаях сказывается своеобразное руководство нашего подсознательного Я, если оно осталось без контроля со стороны сознательного Я.

Подсознательная область дает знать о себе и там, где должен бы, казалось, проявляться наш свободный выбор. Если вы предложите самому себе или кому-нибудь другому назвать, написать или представить в своем воображении какое-либо многозначное число, то окажется, что это делается под давлением пережитого, исходящего из области подсознательного; и здесь можно доказать, чем детерминировано то, что воспроизведено именно данное число, а не другое. Надо лишь уметь расшифровать это; а такое расшифрование требует иногда очень тонкого психоанализа, навыка и находчивости. То же самое детерминирование обнаруживается и тогда, если кто-либо захотел бы, по своему произволу и по выбору, написать, например, или назвать какое-нибудь имя собственное, хотя каждый из нас имеет в запасе множество имен собственных, но сделать это должен под влиянием того побуждения, которое будет дано со стороны подсознательного Я. Повидимому, положение, что во всех этих случаях в основе имеется детерминирование, не носит в себе чего-либо невероятного или невозможного. Но объяснения и разгадка мотивов являются здесь настолько неожиданными для нашего сознания, что мы готовы иной раз признать их неприемлемыми, Кстати укажем на то, что Фрейд и его последователи дают примеры такого расшифрования, которое является навсегда убедительным и для всех доказательным. Самый же основной факт детерминирования случайных и совершенных по рассеянности и ошибке действий, а также некоторых проявлений как бы свободного выбора, заслуживает без сомнения, внимания психологов и представляет интерес для них, ибо тут открывается уже один из законов, управляющих нашей психикой.

Если мы обратимся к анализу того, что мы склонны забывать, то и тут, по мнению Фрейда, легко убедимся в том, что существуют для этого определенные мотивы, исходящие от того же подсознательного Я, забывается обычно и скорее всего, в нормальных случаях, то, что связано у

нас с неприятным чувством. Человеку свойственно нередко забывать сделать именно то, что ему не нравится; ему свойственно забывать пойти туда, куда идти ему неприятно. Понятно, что эти проявления подсознательного Я будут сказываться резко, если сознательное Я не вмешалось с своим моральным авторитетом в наши поступки. Несомненно, в процессе забывания или запямятования обнаруживается своеобразное вытеснение в область подсознательную некоторых переживаний; среди них достаточное количество таких, которые связаны с аффективной окраской неприятного для нас свойства. И этот процесс вытеснения, происходит ли оно помимо нашей воли или же совершается сознательно, остается безразличным для функциональных психических проявлений, ибо он отражается в виде тех или иных дефектных поступков и действий. Иной раз при этом, происходит борьба двух наших Я, сознательного и подсознательного; и результирующая является следствием этой борьбы, в которой перевес будет на стороне сознательного Я, если оно достаточно сильно, богато своим содержанием и если то, что составляет его, покоится на прочном психическом синтезе. Все же то, что ведет к ослаблению последнего, способствует тому, что подсознательная область будет проявлять себя чаще и свободнее; и это особенно ясно и наглядно оказывается в некоторых патологических случаях. Под влиянием идей, высказываемых Фрейдом и его последователями, возникли своеобразные психологические гипотезы. Так, например, *Bleuler* создал не безынтересную гипотезу «комплексов». Только что названный автор, соглашаясь с тем, что в психической сфере можно говорить об относительной обособленности актов интеллектуальных, аффективных (эмоциональных) и волевых, придает большее значение второму из этих трех психических элементов; эмоциональным тонусом направляется течение чисто интеллектуальных процессов, именно внимания и ассоциативного процесса. Эмоциональный элемент объединяет определенные группы представлений, иногда сложную цепь их, образующуюся при помощи ассоциаций. Некоторые из этих групп объединенных представлений окрашены ярким чувственным тоном; это и будет то, что носит название «комплекса». В психике человека, по мнению Юнга, дают о себе знать разнообразные «комплексы», борющиеся между собою, вытесняющие одни другой и берущие перевес над остальными. И с этой точки зрения можно говорить, пожалуй, о существовании в психике нашей своеобразных единиц, имеющих как бы некоторую самостоятельность. Опять таки надо сказать, что эта борьба «комплексов» более всего бросается в глаза в патологических случаях.

Понятно само собою, что гипотеза «комплексов» доступна возражениям; она находится в противоречии с принятым в психологии учением об единстве сознания. Во всяком случае, она представляет интерес, и ее нужно принимать во внимание. По-видимому, при истерических состояниях происходит сознательное или случайное вытеснение того или иного «комплекса» в подсознательную область; и для него закрывается доступ до поры. До времени в поле сознания; при чем, он не может быть

приведен в связь с «я — комплексом». Это ведет к тому что вытесненный «комплекс» дает знать о себе иными путями, ибо пребывание его в подсознательной области не безразлично для правильного проявления психических функций. Если аффекту, связанному с данным «комплексом», является закрытым нормальный выход, то есть, через сознательную область, то он получает, благодаря содержащейся в нем психической энергии, ненормальное превращение и перемещение. И такой «ущемленный» аффект трансформируется и обнаруживается уже иногда в форме телесных признаков, но психогенного происхождения. Фрейд говорит здесь о том, что в этих случаях совершается оригинальная «конверсия». Когда удастся освободить «ущемленные комплексы», когда является возможность для них попасть, тем или иным путем, в поле сознания и бытьотреагированными, то патогенная влияние их на психику прекращается; и тогда они перестают быть для нее своего рода «инородными телами», что сопровождается исчезновением телесных признаков, связанных с упомянутой конверсией. Интересно, что содержание и характер вытесненных и ущемленных «комплексов» забывается самим субъектом; он лишается возможности вспоминать о них. И, вследствие этого, необходимо было создать целую методику для обнаруживания этих «комплексов», погруженных в подсознательную область и лишенных благодетельного света сознания.

Какими же путями можно открыть и разгадать содержание этих патогенный «комплексов» с неотреагированным аффектом? Для этого нужно дать подсознательному Я проявить себя в более удобных условиях. Например, если предложить субъекту, при отвлечении внимания от окружающих впечатлений, высказывать все, что ему приходит в голову, не стесняясь совершенно этим, то из отрывочных фраз и слов, кажущихся иногда даже бессмысленным набором тех и других, удастся уловить содержание «ущемленных аффектов», так как подсознательное Я, конечно, даст знать о себе и прежде всего постарается освободиться от этих аффектов; следовательно, благодаря ему явится возможность познакомиться с этими патогенными «комплексамии». Правда, надо иметь навык и уметь расшифровать бессвязный с виду лепет подсознательного Я.

Затем, для выяснения спрятавшихся от сознания «комплексов» применяется так наз. ассоциативный эксперимент. Он заключается в том, что экспериментатор предлагает испытуемому произнести слово, какое ему первым придет на ум, в ответ на слово, им услышанное. Для этого пользуются уже готовым заранее списком слов, среди которых преобладают имена существительные, достаточно прилагательных и глаголов, немного наречий и числительных. Время, через какое наступает ответная реакция со стороны испытуемого, измеряется, конечно, точным хронометром, регистрирующим и некоторые доли секунды. Понятно, что тщательно записывается все, что дается в ответ испытуемым на слово-раздражитель, произносимое экспериментатором.

Исследователи, создавшие ассоциативный эксперимент в области психических аномалий (*Bleuler, Юнг, Riklin*), пользуются делением

ассоциаций, получаемых этим путем на несколько категорий: 1) внутренние ассоциации, возникающие, по мнению Вундта на основании ассоциативного сродства; 2) внешние ассоциации, обусловленные привычными сочетаниями; 3) звуковые реакции; 4) остаточная группа: а) та реакция, которая делается понятной, если между словом-раздражителем и реактивным словом вставить промежуточное третье слово; б) бессмысленные реакции; в) отсутствие реакции; г) повторение слова, произносимого экспериментатором. Кроме квалификации полученных реакций при ассоциативном эксперименте, чрезвычайно важными является определение и оценка реактивного времени. Здесь необходимо заранее знать среднюю продолжительность последнего у здоровых субъектов, чтобы была возможность судить об аномальности тех или иных «комплексов». В некоторых патологических случаях наблюдается иногда столь заметное удлинение периода до наступления реактивного произнесения слова, что одно это уже обращает на себя внимание. И это обстоятельство дает возможность выяснить содержание интересующих нас «комплексов» у испытуемого; конечно, не одно удлинение реактивного времени имеет здесь значение; важны также и ошибки при репродукции, некоторые уклоняющиеся от нормы реакции и пр.

Надо иметь большой навык в пользовании методикой ассоциативного эксперимента, чтобы можно было правильно им пользоваться. Несомненно, в такого рода опытах приходится учитывать самые разнообразные условия, имея их в виду при оценке полученных результатов. Когда предлагается испытуемому реагировать первым попавшимся ему словом не услышанное слово, то последнее, конечно вызывает моментально изменение в эмоциях; если оно оживляет и делает более чувствительным какой-либо из комплексов, то подсознательное Я обнаружит это в реактивных словах. И скрытые «комплексы», с их ущемленными аффектами, будут тормозить реакцию или даже извращать ее, что выразится в виде, например, бессмысленных ответов, странных и необычных реакций. То же, что не будет связано с такого рода «комплексами», будет сопровождаться правильными и обычными реакциями по отношению к данному субъекту. Иной раз слово — раздражитель не вызывает никакого ответа у испытуемого, приводя его в сильное замешательство; и это, между прочим, отмечается у истерических индивидуумов, для которых считается характерной высокая степень эмоциональной интенсивности «комплексов».

Среди различных методов, применяемых для выяснения роли и для определения патологических «комплексов», обращает на себя внимание, так назыв., *психо-гальваническая реакция*. Этот метод заключается в том, что испытуемое лицо, при ассоциативном эксперименте, вводится в электрическую цепь, через которую проходит ток незначительной силы. Сюда же включается гальванометр, наиболее чувствительный, например, зеркальный гальванометр *Depres — D'Arsonval*'я. Если испытуемый, помещенный таким образом, воспринимает слово, произносимое экспериментатором, то можно иногда, при некоторых словах, отметить более или менее значительное передвижение полоски света, падающей от

чувствительного гальванометра (*Binqanger, Veraguth*). И эта оригинальная реакция носит название, выше упомянутое. Наиболее заметное отклонение световой полоски, отбрасываемой гальванометром, совпадало с словами-раздражителями, задевавшими «комплексы», связанные с наиболее сильным аффектом. Исследователи, которые пользовались психо-гальванической реакцией должны были, естественно, принимать во внимание различные условия, влияющие на проявление реакции; тут приходится считаться также с физическими моментами. Но, и помимо этих последних, всегда обычно удается опытному экспериментатору выделить роль и значение психического фактора.

Наконец, при психоанализе пользуются и тем материалом, какой доставляют сновидения. Фрейд и его последователи полагают, что наши переживания в сонных грезах могут помочь нам познать некоторые законы, касающиеся подсознательной сферы. Здесь Фрейдовская школа обращает внимание на то, что явное содержание сновидений имеет скрытый, символический смысл; и вследствие этой символизации, подавляющее количество наших сновидений (*Фрейд*) носит кажущийся характер бессвязности, спутанности, хаотичности и даже бессмысленности. Анализируя содержание детских сонных грез и бормотанья во время сна, названный автор убедился в том, что здесь общею чертою является исполнение желания, оставшегося неудовлетворенным; здесь все просто и ясно, здесь нет момента замаскированности. Хотя и у взрослых встречаются эти сновидения детского типа, но они отличаются обычно краткостью; кроме того, в них, помимо исполнения желания, скрывается еще и другой смысл. Чаще всего бывает так, что мысль, которая выражает пожелание, относящееся к будущему, заменяется картиной, протекающей в настоящем (*Фрейд*). Далее, чем запутаннее и страннее содержание сновидения. Чем более в нем искажения, тем сильнее было стремление сонной психики замаскировать что-то, то есть скрыть что-либо. И в случаях патологических это обстоятельство сказывается резче и определеннее. При существовании, например, аномальных «комплексов», скрывшихся в подсознательную область, это, без сомнения, будет отражаться на содержании сновидений; упомянутые «комплексы» дадут знать о себе и чрез сонные грезы. Надо и здесь уметь расшифровать их истинный смысл; нужно отрешиться от распространенного предубеждения видеть в сновидениях лишь случайную игру образов отдыхающей психики. Можно сказать, что и содержание сонных грез не бессмысленно, как это кажется; оно также является, следовательно, детерминированным. «Комплексы» с наиболее сильным чувственным тоном обязательно дадут о себе знать в конструкции сновидений; это касается, конечно, и тех «комплексов», которые были вытеснены в подсознательную область и не всплывали в поле сознания.

II

Мы познакомились теперь в общих чертах с теми основными методами, которые дают возможность обнаруживать содержание и характер

«комплексов», погруженных в сферу подсознательного; эти методы способствуют также выяснению некоторых сторон нашего подсознательного Я, проявляющего себя во многих патологических случаях. И, мне думается, будет не безынтересно познакомиться с тем как возникло и развивалось это новое направление в патопсихологии. Хотя оно и связывается теперь с именем Фрейда, но надо вспомнить, что оно началось с своеобразного исследования Брейера — исследования произведенного совместно с Фрейдом. Брейер наблюдал одну больную девушку 21 года; это была очень одаренная особа; у нее в течение двух лет существовал ряд телесных и душевных расстройств. У нее был спастический паралич с правой стороны, с отсутствием чувствительности в пораженной области; одно время то же самое наблюдалось и с левой стороны. Были у нее расстроены и движения глаз; ей трудно было держать голову; ее беспокоил сильный нервный кашель; пища вызывала в ней отвращение, и в течение нескольких недель ей было трудно пить. Несмотря на мучительную жажду. Она утратила способность говорить на родном языке и понимать его. Душевная деятельность ее подверглась резкому нарушению. Заинтересовавшись этим случаем, Брейер нашел новую точку зрения для уяснения его, для разгадки того, в чем именно здесь дело. Что это была истеричка, этого было для него мало, он старался выяснить истинный механизм нарушения функциональной деятельности психики. Брейер заметил, что в периоды психической спутанности больная бормотала какие-то слова; казалось, что они имеют отношение к каким-то мыслям, ее занимающим. Он запомнил эти слова и привел ее в гипноидное состояние, повторил их ей, желая, чтобы она высказала еще что-нибудь на ту же тему. Больная, к некоторому удивлению исследователя, познакомила его с содержанием своей психики, с теми переживаниями, какие бывали у нее во время состояний спутанности. Это были печальные и поэтические фантазии; это были сны на яву; и рассказы ее начинались обычно с описания положения девушки у постели больного отца. Рассказавши о таких своих фантазиях, больная словно от чего-то тяжелого освобождалась и возвращалась в реальный мир. Когда снова она погружалась в спутанность, то последняя проходила, если больная имела возможность высказать конструированные опять фантазии. Здесь можно бы говорить о своеобразной очистке души. Интересно, что если больная, будучи в гипнозе, вспоминала с выражением аффекта о том, как и при каких условиях у нее образовался тот или иной признак болезни, то потом он уже не появлялся более. Брейер терпеливо стал производить планомерное исследование генезиса других, еще более тяжелых симптомов; и он убедился в том, что почти все эти признаки возникли, как остатки или осадки, по выражению Фрейда аффективных переживаний или так наз. «психических травм».

Следовательно, эти истерические признаки были детерминированы. Фрейд отказался пользоваться гипнотическим состоянием, чтобы устранять истерические симптомы; он побуждал своих пациентов вспомнить забытое, связанное с вытесненными в подсознательную область «комплексом» и с

«ущемленными аффектами», уверял их, что они не все ему рассказали и о чем-то еще забыли.

Целый ряд наблюдений, сделанных Фрейдом, убедил его в том, что забытые переживания вовсе не исчезают из психики субъекта; но они не могут вступить в ассоциативную связь сознательной деятельности, и этому мешает обычно какая-то сила; и они остаются в сфере подсознательного. Эта сила — своеобразное *сопротивление* со стороны больного; эта же сила способствовала тому, что когда-то данные переживания были вытеснены из сознания и сделались забытыми. Фрейд убедился в том, что эти *забытые* переживания, окрашенные сильным эмоциональным тоном, возникали тогда, когда индивидуум испытывал желание, стоявшее в резком противоречии с другими желаниями его, когда данное желание являлось несовместимым с этическими или эстетическими взглядами личности. Вот это-то неприемлемое желание подпадало процессу вытеснения, устранялось из сознания, как полагает Фрейд. Возникший конфликт разрешался таким путем, и здесь можно видеть, по мнению автора этой гипотезы, одно из проявлений защитных приспособлений душевной личности. Здесь происходит динамический процесс психического расщепления.

Вытесненное в область бессознательного желание не исчезает; оно продолжает существовать и при первой возможности, по Фрейду, становится активным и посылает в поле сознания своего *заместителя*. Если субъект убеждается в том, что патогенное желание напрасно его привело в смущение, он принимает его целиком или частично; или же если оно направляется на другую цель, высшего порядка, не подлежащую никакому сомнению, то происходит процесс, который Фрейд называет сублимацией. И тогда конфликт, о котором идет речь, разрешается.

То, что наблюдается в патологических случаях, имеет место и у здоровых лиц; основные законы, устанавливаемые по отношению к сходным психическим процессам, одинаковы там и здесь. В норме эти душевные «конфликты» находят свое разрешение и устраняются так или иначе, но не вытесняются. Простое самонаблюдение показывает нам, что пережитое, аффективно отреагированное, но не насильственно забытое, прошедшее через очищающее горнило высшего сознания, сопровождается чувством облегчения; наоборот, если эмоция, связанная с той или другой неприятностью, недостаточно изжита, то она дает знать о себе, нарушая душевный покой, а это отвлекает внимание от окружающего мира; это мешает правильной деятельности психики.

Конечно, в теоретических построениях Фрейда и его учеников есть много спорного, неубедительного. Так как последователи этой школы очень подчеркивают и выдвигают, в своих толкованиях, значение «комплексов», связанных с сексуальным чувством, то и в этом отношении им делается много возражений. Несомненно, что в этом психологическом направлении, начало которого идет от анализа патологических случаев, существует нечто интересное, истинное, заслуживающее внимания. Учение о нашем подсознательном Я находит в работах представителей данного направления

большое подтверждение. Правда, приводимые доказательства носят на себе, быть может, печать естественного увлечения; но многие процессы из области подсознательного выясняются лучше и отчетливее через приведенную психологическую теорию.

Waldstein, трактуя вопрос о нашем подсознательном Я, указывает на то, что по отношению к сознательным впечатлениям мы активны и избирательны; что касается подсознательных впечатлений, то по отношению к ним мы являемся пассивными; но, тем не менее, эти последние регистрируются нашей психикой и входят, как составная часть нашей памяти. Ясно для каждого из нас, что подсознательные впечатления очень многочисленны; они дают окраску настроению, нашим мыслям и поступкам. Они могут пробуждать воспроизведение отчетливых и ясных воспоминаний, давая живые образы пережитого. Например, случайный запах цветка или случайный музыкальный мотив могут вызвать в сознании целую картину о каком-нибудь событии, которое в свое время не произвело на нас глубокого впечатления; и настроение, возникшее из подсознательных впечатлений, может вызвать к жизни сознательное состояние. *Waldstein*, взгляды которого излагаются нами сейчас, полагает, что напрасно думают, что активность свойственна лишь только нашему сознательному Я, что подсознательное Я несет лишь функции восприятия. Конечно, в созданиях гениального творчества названный автор видит проявление подсознательного Я, и то, что связано с вдохновением, лежит в таинственных глубинах нашего подсознательного Я. Вальдштейн говорит, что только силой своего подсознательного Я Фидий творил в мраморе и бронзе, Рафаэль писал своих мадонн и Бетховен сочинял свои симфонии.

Работа подсознательного Я сказывается во время сна и выражается в форме сновидений. Конечно, свои взгляды относительно нашего подсознательного Я Вальдштейн не преминул применять для объяснения некоторых психогенных расстройств; и среди них есть такие страдания, которые будучи неопределенными и смутными, косвенно причиняются окружающей средой. Когда проходит какая-нибудь физическая болезнь, то в подсознательной области на долгое время остаются еще следы от перенесенных последнею повреждений; ибо происшествия у постели больного оставляют такой же тяжелый след на подсознательном Я, как спутники болезни (боли, например) — на сознательном Я. С ролью и значением подсознательного Я приходится считаться и при многих нервных болезнях. По мнению Вальдштейна, увлеченного своим учением, истерия и нейрастения есть результат и следствие слабости сознательного Я и соответственного преобладания импульсивных, эмоционально-эгоистических проявлений того, что составляет подсознательное Я. В частности относительно истерии он полагает, что здесь подсознательное Я достигает необыкновенного преобладания.

Резюмируя вкратце свои соображения, Вальдштейн обращает внимание на то, что наше сознательное Я руководит нашим вниманием и нашими поступками; и оно то оказывает влияние на наше отношение к внешнему

миру. Через него мы производим контроль той части нашей души, что служит источником наших волевых побуждений и настроений, стремления жить собственной жизнью и осуществлять свои идеалы.

И та двойственность, которая присуща человеческой психике, является из факта существования сознательного и подсознательного Я. Счастье человека зависит от истинного равновесия между сокровеннейшими желаниями, происходящими от подсознательного Я, и обязанностями, открываемыми разумом. Так формулирует Вальдштейн свою основную мысль. Понятно само собою, что нарушение этого необходимого равновесия в сторону подсознательного Я дает в результате разного рода нервные болезни и, в частности, истерию.

И здесь, как и во взглядах Фрейдовской школы, мы встречаемся с тем же учением о подсознательном Я. Идеи, высказываемые Вальдштейном, носят характер обобщения, суммарности; он увлечен своей точкой зрения и мало заботится от том, чтобы дать читателю более убедительные доказательства правоты и истинности своих взглядов. Доказательства, приводимые Фрейдовской школой, разнообразнее, интереснее, глубже, нежели у Вальдштейна. Но для нас важно в данный момент то обстоятельство, что в тех и других взглядах доказывалась область подсознательного или бессознательного; эти понятия совпадают до некоторой степени с понятиями «нижнее сознание» или «низший психизм» (по Грассе). Надо сказать, что роль и значение подсознательного в нашей психике была выяснена в своеобразных деталях лишь чрез патологические случаи, чрез их психологический анализ. Знакомство, например, с истерическими проявлениями дало возможность оценить силу подсознательного Я, вышедшего из-под контроля сознательного Я.

Большое значение бессознательному приписывается не только в патогенезе такого невроза, как истерия, но и в происхождении других невротических состояний, где на первый план выступают различные навязчивые состояния. По мнению А. Адлера, психика невротика вынуждена прибегать к уловкам и хитростям, чтобы достигнуть своей преувеличенной цели; и одной из таких уловок будет перенесение цели или заместителя цели в бессознательное. Здесь можно говорить об укрывании своих фикций, убегающих от сознания.

III

Анализируя некоторые невротические признаки, авторы подчеркивали иногда особенно значение душевных конфликтов и этот анализ дает, пожалуй, новое освещение того, каким законам подчиняются некоторые области человеческой психики. Штекель придает большое значение этим конфликтам в данном случае. Иной раз здесь приходится наблюдать тяжелую картину нервно-психического расстройства, даже с телесными признаками. Чаще всего это бывает там, где происходит не разрешившееся столкновение между эгоистическими побуждениями и голосом нравственного чувства. В

этих случаях субъект переживает необъяснимое для него побуждение навязчивого свойства, например, производит разрушительные действия. Штекель, приводя самые простые наблюдения из обыденной жизни, старается показать, что результаты душевных конфликтов встречаются, в той или другой форме, нередко; и лишь у невротиков мы видим здесь аномальные состояния, далеко отдаляющиеся от нормы. Штекель полагает, что нервность есть показатель внутренней борьбы; и первая не будет иметь места, если нет второй. По его мнению, каждый невротик борется с «вытесненными» преступными мыслями. Это — преступник, лишенный мужества совершить преступление. Автор этот полагает, что невротик заболевает потому, что его психическая энергия истощается в борьбе между тем, что им считается недозволенным, и задерживающим этическими представлениями. Штекель ссылается на один случай боязни пространстве, где причиной невроза оказалось тайное желание совершить преступление; дело касалось одного кассира, которому приходилось считать ежедневно огромную сумму денег; и боязнь пространства явилась у него своего рода психическим эквивалентом, как символическое выражение плана бегства в Америку в похищенными деньгами. Вообще, фантазии криминального характера, приходя в столкновение с моральной стороной, дают в результате нередко разные навязчивые представления. И эти последние являются своеобразными защитными мероприятиями от преступных инстинктов. Например, навязчивые страхи становятся выражением препятствия к осуществлению этих фантазий. Тут будет, по мнению Штекеля одновременно и защита, и наказание.

Говоря о гипотезе душевных конфликтов, как патогенного фактора по отношению к некоторым невротическим признакам, нам приходилось упоминать о том, что здесь имеется также и аномальная символизация. Как в сновидениях сказываются интимные побуждения, скрытые желания, принимающие причудливо-фантастическую форму, точно также неразрешенные конфликты, трансформируясь при помощи подсознательного Я, выражаются в форме курьезных и странных признаков, как, например, разные навязчивые страхи.

Фрейд думает, что все навязчивые действия и во всех своих деталях полны смысла; они выражают переживания нередко символически и имеют отношение к интимнейшей, обычно сексуальной, жизни; в них все, хотя и не без труда, может быть объяснено. Лицо, проделывающее навязчивые действия, не знает их главного значения; только психоанализ обнаруживает то, что скрывается под ними; они служат для проявления неосознанных мотивов и представлений. Субъект, находящийся под властью навязчивых действий и запретов, ведет себя, по мнению Фрейда так, как будто он находится под давлением сознания своей виновности; но о последней он не знает, представление о ней всплывает у него в поле сознания, ибо тут проявляет себя сфера бессознательного. Только что названный автор в основе навязчивого невроза видит один важный факт: это — вытеснение какого-нибудь парциального инстинкта, входящего в состав организации

данного индивидуума. Когда инстинкт подавляется, то возникает чувство смущения, опирающееся на моральную личность; тут же субъект начинает испытывать страх. И все это с несомненностью свидетельствует для Фрейда о том, что процесс подавления оказался неудачным, и это будет сказываться все сильнее и сильнее в будущем. Навязчивые действия суть оборона против искушения. Фрейд убежден в том, что душевными процессами при неврозе навязчивых состояний управляет процесс замещения и, при этом, истинное и важное подменяется ничтожным и не имеющим значения. Словом, здесь играют роль различные моменты: и душевные конфликты, и патологическая символизация.

Хотя эта гипотеза и объясняет своеобразно, оригинально и интересно некоторые стороны дела в картине навязчивых состояний, но многое остается пока недостаточно убедительным.

Можно согласиться с тем, что действительно, таков генезис отдельных признаков; но едва ли можно считать доказанным, что в этих психических механизмах, раскрываемых Фрейдом, мы имеем дело с первичным фактом; чтобы данная личность могла продуцировать неразрешимые для нее самой душевные конфликты, необходимо, чтобы было еще первичное условие (по отношению к ним); нужна, может быть, своеобразная нервно-психическая организация.

То, что наблюдается при навязчивых состояниях, имеет свои аналогии и помимо области патопсихологии. Сходные психические переживания, но без аномального элемента, свойственны и уравновешенным людям, со здоровой психикой. Гипотетические соображения Фрейдовской школы, законы, ею устанавливаемые, подтверждаются, по ее мнению, и там, где нет речи о болезни.

IV

Патопсихология, материалом для которой служат обычно различные пограничные состояния, где близка уже норма, располагает для своих обобщений и теоретических построений массой данных. Эти последние были получены вначале, главным образом, при помощи клинического метода, основанного на непосредственном наблюдении и на рассказах самого больного о своих переживаниях. И этот материал знакомит нас со своеобразными состояниями в области патологии. К числу таких состояний можно бы отнести то, что носит название циклотимии. Эта аномалия, не так уже редко встречающаяся. Заключается в том, что количество психической энергии вырабатывается и обнаруживается у данного индивидуума чрезвычайно неравномерно.

То он продуцирует ее много, то — поразительно мало. Он замечает, что временами у него на душе становится мрачно; он погружается в беспросветную тоску; его страшит собственное будущее, и в нем он не видит для себя хорошего: его фантазии мерещатся одни лишь мучения. Он чувствует себя оторванным от окружающей жизни; он становится словно

мрачным наблюдателем того, что происходит вокруг него: он перестает принимать участие в окружающем. Гнетущая и щемящая тоска преследует его, он занимается самоанализом; внимание его постоянно сосредоточивается на собственных мрачных переживаниях. Сколько бы он ни думал о своем печальном положении, но выхода из него он не может найти. И тут в его сознании начинают всплывать мысли о ненужности и бесцельности собственного существования; он приходит к убеждению, которое им мотивируется, что ему не стоит жить. И в этих случаях нередко бывает роковая развязка.

В типических случаях, сюда относящихся, рядом и одновременно с угнетенным настроением, субъект испытывает чувство заторможения или задержки в психическом процессе. Страдающий этой фазой циклотимии замечает, что ему стало труднее думать и соображать. Он убеждается все более и более в том, что психическая работа идет у него теперь не так вовсе, как прежде. Ему кажется, что его способности словно упали; и он бывает склонен думать, что, может быть, он всегда был таким, что раньше он сам ошибался в оценке себя и вводил других в заблуждение. Итак, здесь мы имеем сочетание двух состояний: 1) эмоциональное угнетение и 2) интеллектуальную задержку. К ним присоединяется еще и *третий* признак: это — волевые задержки и, вообще, психомоторное заторможение в той или другой степени.

Последнее выражается в том, что субъект замечает, что ему стало как будто труднее двигаться, ходить, приводить в действие свои мышечные механизмы. Здесь, следовательно, наблюдается определенное сочетание аномальных признаков, захватывающее сферы эмоциональную, интеллектуальную и психомоторную; и на проявлении этих сторон душевной деятельности лежит печать угнетения, подавления; в этом выражается депрессивный период циклотимии.

Хотя субъект и мрачно смотрит на свое положение, хотя он и не видит просвета в будущем, но в его организме совершается роковой переход в другое даже противоположное состояние. Депрессия, надвинувшаяся на его душевную деятельность, покидает его раньше или позднее. Он начинает испытывать, временами, сначала радостное чувство; утраченное на время чувство жизненности снова к нему возвращается; и настроение его становится приятным и радостным. Светлые перспективы рисуются ему в будущем; он доволен собою, окружающее его интересует; и сердце его трепетно бьется; он доволен своим возвращением в жизнь, которая теперь не кажется ему чуждой; она, наоборот, близка ему, и он считает себя теперь таким же ее участником, как и все другие. Словом, это будет повышенное настроение. Как в фазе депрессии, так и здесь, существуют, в типических случаях циклотимии, другие признаки; именно, субъект замечает облегчение в интеллектуальном процессе. Выражаясь шаблонно, он говорит, что у него голова стала прекрасно работать. В голове у него много планов; возникающие в поле сознания представления сопровождаются и вызывают к жизни свободно и легко обильные ассоциации. Такому индивидууму хочется

много говорить; в беседах своих он бывает шутлив, находчив, нередко остроумен. Обладая творчеством и литературным дарованием, он обнаружит иногда это свое состояние в форме художественного произведения. Ему почти не вспоминается то, что было с ним, когда он переживал депрессию. Чувство облегчения он испытывает и по отношению к психомоторной области; и эта последняя обнаруживает признаки возбуждения. Субъект обычно в это время много двигается, у него есть стремление ходить; он не замечает у себя усталости. Итак, в этом периоде циклотимии мы встречаемся с триадой признаков: 1) эмоциональное оживление, 2) ускорение интеллектуального процесса и 3) психомоторное возбуждение. Это будет фаза экзальтации. Интересно, что и в фазе возбуждения душевной деятельности, и в период угнетения ее мы констатируем характерное сочетание аномальных признаков. Экзальтация, оставаясь то или иное время, начинает стихать, и снова наступают предвестники надвигающейся депрессии; и эта последняя опять омрачает душевную жизнь субъекта, изменяет его отношение к самому себе, ставя его в положение человека, оторванного какою-то страшною силою от окружающей действительности; это мрачное настроение, этот частичный пессимизм обычно носит лишь индивидуальный характер. Здесь нет общего мрачного мирозерцания; погруженный в депрессию, субъект видит радости и печали других людей, он готов позавидовать другим, но его гнетет, что эта живая жизнь ему недоступна теперь. И хотя он помнит хорошо, что у него бывало уже такое мрачное состояние, хотя он и знает, что оно уже проходило, но он не может отнестись правильно к тому, что переживает теперь.

Правда, здесь могут действовать временно, моментами доводы разума; но их сила далеко не всегда надежна. Мрачные мысли, несмотря на перенесенный уже опыт, продолжают всплывать в сознании одна за другой; их появление и возникновение облегчается; все радостные переживания, все приятное в прошлом и в настоящем почти недоступно для воспроизведения в поле сознания. Самый логический процесс делается односторонним; обсуждая свое положение, субъект оперирует лишь с суждениями, окрашенными мрачным фоном. Он находит в себе массу крупных и мелких недостатков. Если и появляются у него в сознании мимолетные светлые лучи от прежних переживаний, они быстро гаснут от присутствия представлений, идей и воспоминаний иного совершенно содержания. И в этой личной душевной трагедии, разыгрывающейся и повторяющейся от времени до времени, в той или другой степени, наступающей роковым образом, очень часто, независимо от окружающих впечатлений, главную роль в генезисе мрачно-одностороннего ассоциативного процесса нужно отнести на счет изменения эмоционального тонуса; существование его, обусловленное чисто физиологическими причинами, и делает возможным появление в сознании лишь мрачных и тягостных мыслей.

Эти последние приобретают, под покровительством соответствующего им эмоционального состояния, господствующую роль. Наоборот, ассоциативный процесс, связанный с психическим содержанием

противоположного характера, подавляется, затрудняется и не может осуществляться; и эти тормозящие его импульсы исходят из подсознательной области, измененной органическими условиями. То, что было сказано по отношению к эмоциональному тону угнетающего характера, вполне применимо и к обратному состоянию; здесь длительный радостный эффект вызывает к жизни и соответствующие идеи и представления.

Мы говорили уже о том, что при депрессии, в числе характерных для нее признаков, содержится и интеллектуальное угнетение, в смысле некоторого заторможения интеллектуального процесса. Действительно, такое состояние переживается субъектом, замечается им, он испытывает, при этом, недостаток мыслей, появляющихся в поле сознания, бедность и скудность их. Но интересно, что не во всех случаях психического угнетения сосуществуют эти два признака. Хотя и не часто, но бывает так, что рядом с угнетающим эмоциональным тоном, субъект переживает в сфере чисто-интеллектуальной ту или иную степень возбуждения. Здесь будет наплыв мыслей, обилие их; в это время переживается, вихрь их. В поле сознания они возникают одна за другой, в известной ассоциативной последовательности; здесь словно насильственно вспоминается многое из прежней жизни. Но все это покрывается мрачным аффективным состоянием; несмотря на возбуждение интеллектуального процесса. Облегчаются и здесь лишь те ассоциационные звенья и цепи, которые соответствуют угнетающей эмоции. Иной раз, рядом с тяжелым эмоциональным тоном и затруднением в сфере чисто интеллектуального процесса, наблюдается не подавление волевых проявлений и, вообще, психомоторной сферы, а возбуждение этой последней, и в это время субъект обнаруживает стремление к движению; при этом он не замечает физической усталости, которая временно словно им не воспринимается. Субъект может много ходить, ему трудно сидеть на месте; какая-то подсознательная сила не дает ему покоя, и он ищет забвенья в постоянном передвижении.

Иногда интеллектуальное заторможение и угнетение в сфере психомоторной не совпадают с мрачным настроением. И вот интересно отметить, что при циклотимии различные области нашей душевной деятельности, разграничиваемые, конечно, искусственно, могут находиться в данном периоде этого аномального состояния в неодинаковом положении, именно, в то время, как одна из сторон находится в состоянии угнетения, другая — оказывается возбужденной. Этот факт заслуживает внимания; он любопытен с теоретической точки зрения. Его же можно констатировать иногда и там, где циклотимик переживает фазу экзальтации; и в этих случаях на фоне общего экзальтативного процесса обнаруживается депрессия той или другой сферы душевной деятельности.

Слабо выраженные циклотимические состояния заметны лишь самому субъекту, их переживающему; тут иногда идет дело о таких состояниях, которые близки к норме. Но вот вопрос, имеем ли мы нечто аналогичное, качественно сходное в душевной деятельности нормальных лиц или же это — аномалия в распределении душевной энергии, носящая специфический

характер, и ее генез связан с какими-то особенностями нервно-психической организации.

Изменения настроения обычного свойства, стоящие в связи с получаемыми впечатлениями, не имеют ничего общего с циклотимическими проявлениями. Известная периодичность, та или иная форма ритма в душевном процессе здорового человека едва ли могут быть отождествляемы с той аномалией, которая известна под именем циклотимии. Естественные разочарования, разного рода душевные драмы, потрясения, перемены в мирозерцании, — все это отличается качественно от душевных переживаний циклотимика; все это — психические факты иного порядка.

Правда, может быть комбинация естественных переживаний с циклотимическими, и тогда нелегко бывает иной раз выделить ясно и определенно циклотимический элемент. При циклотимии изменение нашего подсознательного Я, вызванное физиологическими условиями, так велико, что высшая сознательная деятельность не может правильно себя проявлять. Надо добавить еще, что в периоде экзальтации стимулированная подсознательная сфера, при одаренности субъекта, может обнаружить себя в создании творческих произведений, имеющих большую ценность.

Много не безынтересного материала для патопсихологии дает наблюдение над патологическими личностями; здесь мы имеем дело с конституциональными, прирожденными особенностями характера. Так как в данной области не существует резкой и определенной границы между нормой и патологией, так как здесь есть пограничная область, то, понятно, и самое учение о характерах, наука «характерология» близко соприкасается с учением о патологических личностях.

Среди последних выделяется обширная группа так называемых «психастеников». В этих случаях существует своеобразное, но всегда определенное сочетание аномальных признаков; *во-первых*, в поле сознания таких индивидуумов появляются различные навязчивые идеи и представления. Те и другие находятся часто в полном противоречии с содержанием сознания в данный момент; сознательное Я протестует против вторжения в его границы этих назойливых идей и представлений; но оно бывает бессильно с ними справиться и борьба с ними не всегда кончается с успехом для субъекта, если он просто только желает от них избавиться. То, что врывается в сознание в виде навязчивых психических феноменов, нарушает обычно естественный ход ассоциативного процесса. Субъект относится критически к своим аномальным явлениям в области сознания. Он считает их чуждыми его сознательному Я. Но это — не просто *idees fixes*. Навязчивые мысли и представления сопровождаются чувством тревоги; иногда эмоциональное состояние выражается в виде страха каких-либо предметов, именно, животных и т.д. Хотя психастеник и понимает, что его страхи абсурдны или странны, но он не может от них отделаться в данном момент.

Эта тревога, это своеобразное эмоциональное состояние, сочетающееся с навязчивыми мыслями, является одним из характерных признаков психастении.

Индивидуумы данной категории, сохраняющие критическое отношение к своим переживаниям, обычно привыкают к самонаблюдению над ними; и их рассказы о внутренней жизни представляют интерес для решения вопроса о генезисе таких аномальных состояний. Патологическая мнительность, повышенная тревожность, излишние сомнения и колебания составляют отличительные черты психастеников; и на всем этом у них лежит печать утрированности, скрупулезности, при чем они сами хорошо сознают эти свои странности и психические недочеты. Любопытно, что лица данной категории обычно, в огромном большинстве случаев обладают хорошо развитым моральным чувством и иной раз даже приходится здесь встречаться со своеобразным патологическим альтруизмом. Итак, при психастении наблюдается вот это сочетание аномальных признаков, о котором была сейчас речь. Такое сочетание так характерно, что можно бы даже говорить о том, что между отдельными компонентами здесь существует не простая, а какая-то органическая связь. Мы видели выше, как толковались навязчивые психические состояния с точки зрения душевных конфликтов, сознательного и насильственного вытеснения некоторых эгоистических или криминальных побуждений и желаний, с точки зрения гипотезы аномальной символизации. Мне думается, к этому нужно бы добавить еще, что для появления психастенических признаков необходимо некоторое предрасположение. Кроме того, они возникают вероятно, когда в душе субъекта происходит сознательная активная борьба морального чувства с влечениями низшего порядка, насильственно подавленными, недостаточно освещенными логическими доводами, ни сублимированными, по выражению Фрейдовской школы. Термин «психастения» в этом смысле получил значительные права гражданства после специальных исследований в этом направлении Пьер Жанэ; только что названный автор подчеркивает в этих случаях понижение психологического тонуса, ослабление функций, позволяющих воздействовать на реальность и воспринимать реальное. Действительно, надо согласиться, что этим предположением объясняется одна сторона дела, но лишь именно одна, но не вся совокупность того, что мы наблюдаем при психастении. Тонус самого психического процесса здесь не достигает необходимой интенсивности. Если же он повышается в зависимости от каких-либо условий, внутренних и внешних, то навязчивые состояния становятся слабее, а иногда даже могут на время исчезать от одного этого условия.

При логопатии, то есть, при патологическом резонерстве, существует словно совершенно противоположное психастении состояние. У логопатов нет сомнений и колебаний; наоборот, они самоуверенны в своих выводах, рассуждениях, в действиях. У них наблюдается обилие суждений разного рода, обычно поверхностных, плохо мотивированных, иногда странных. У них бросается в глаза склонность к паралогизмам. Анализируя

высказываемые таким субъектом соображения, обращая внимание на его логический процесс, можно легко убедиться в том, что суждения его весьма односторонне, и что он часто неправильно пользуется даже обычными и ходячими понятиями. Иной раз его рассуждения могут показаться, может быть, оригинальными, но по существу они окажутся или неверными или не имеющими никакой ценности. Здесь мы могли бы, пожалуй, говорить о слабости интеллектуального или логического чувства; и эта аномалия мешает субъекту замечать неправильность своих суждений; они лишены критического отношения к этим последним. Делая ясно неправильные или односторонние заключения, он этого не замечает, и не в состоянии их проверить ни сознательно, ни при помощи интеллектуальной эмоции. В общем, у него будет своеобразная *паралогическое мышление*, но степень этой аномалии будет, конечно, не одинакова в отдельных случаях.

Почти всегда, если не всегда, паралогическое мышление сочетается с тою или иною степенью недостатка морального чувства. И те случаи, которые относились к *moral insanity*, показывают, что здесь о сохранении правильного мышления можно говорить лишь с чисто формальной стороны. На самом же деле в интеллектуальном процессе лиц, относящихся к этой категории, всегда имеется своеобразный изъян в форме паралогического мышления.

Затем, по мимо слабости логического и морального чувства в этих случаях обычно можно констатировать некоторую степень возбуждения психической деятельности, вообще. Поэтому логопаты отличаются излишним стремлением говорить, обо все судить, иметь по каждому поводу свое особое мнение, рассуждать иногда о предметах, даже не доступных их пониманию; они обычно подвижны, деятельны; и все это резче выделяет их характерные психические изъяны. Словом, здесь будут явления как будто бы аномального состояния, представляющего обратную сторону психастении. Это будет *психическая гиперстения*; и здесь, при этом, указанные признаки находятся в органическом сочетании между собою, являясь прирожденными конституциональными особенностями.

Хотя Фрейдская школа дает, как мы видели уже, определенное толкование истерических явлений, но надо сказать еще раз, что она разъясняет, главным образом, лишь патогенез отдельных признаков истерии. Самая же сущность ее остается до сих пор не ясной и не совсем понятной. Для истерической психики характерны два главный признака: это — патологическая внушаемость и самовнушаемость. Они-то и дают возможность развитию и возникновению всех пестрых, причудливо-разнообразных признаков, но уже вторичного происхождения. В отличие от психастении, при истерии патологический процесс, происходящий в связи с излишнею внушаемостью и самовнушаемостью, разыгрывается при пассивном до некоторой степени участии субъекта. Он не проявляет борьбы с воздействием на его психику патогенных условий. Сознательное Я в момент возникновения истерических признаков на время совсем устраняется и поле действия очищается для проявления подсознательного Я, и оно-то

дает о себе знать при истерии, показывая всю силу и значение в полной мере, обнаруживая своеобразное влияние на телесную сферу.

Что касается прирожденных психических особенностей, относящихся к эпилепсии, то они дают ряд фактов, интересных в психологическом отношении. Здесь мы встречаемся, между прочим с самыми разнообразными состояниями общего прекращения сознательных функций психического механизма. Например, здесь наблюдаются состояния психического автоматизма или транса, когда сознание временно прекращает свою деятельность и когда субъект продолжает вести себя с внешней стороны как бы целесообразно; с пробуждением же сознания оказывается, что данное лицо не помнит о том, что было с ним в это время.

Учение о патологических личностях, без сомнения, дает обширный материал для психологов, но правда, недостаточно еще анализированный. То же самое можно сказать и относительно других аномальных состояний душевной деятельности; и это касается различных отделов ее; едва ли даже нужно перечислять их все.

В заключение необходимо указать, что за последние годы все больше и больше в клиническую психопатологию проникают принципы экспериментально-психологической методики, преследующие пока более узкие клинико-диагностические цели, нежели дающие материал для патопсихологии или для психологии.

*Новые идеи в философии.
Сб. X. М., 1914, с. 30–65*

Смысл творчества (Фрагмент)

Н. А. Бердяев

К ГЛАВЕ VIII. ТВОРЧЕСТВО И ПОЛ. МУЖСКОЕ И ЖЕНСКОЕ. РОД И ЛИЧНОСТЬ

1. Очень интересны и показательны работы проф. Зигмунда Фрейда. См. его «Теорию полового влечения». Он применяет свою пансексуалистическую теорию к истолкованию всего на свете. См. главный его труд «Толкование сновидений» и «Леонардо да Винчи».

У Фрейда нет обычной психиатрической затхлости, у него есть свобода и дерзновение мысли. Фрейд научно обосновывает ту истину, что сексуальность разлита по всему человеческому существу и присуща даже младенцам. Он колеблет обычные границы нормально-естественной сексуальности. Он научно-позитивно обосновывает некоторые гениальные интуиции Вейнингера, хотя дух их есть разный.

Но склонность школы Фрейда объяснять все, вплоть до религиозной жизни, неосознанной сексуальностью принимает формы маниакальной идеи, характерной для психиатров. Ведь и этот пансексуализм может быть объяснен неосознанной сексуальностью его создателей, если применить тот метод сыска и вмешательства в интимную жизнь, который допускает школа Фрейда.

Натяжки Фрейда в объяснении типа Леонардо или объяснении снов доходят до комического. И все же Фрейд помогает осознанию сексуальности.

*Бердяев Н. А. Философия свободы.
Смысл творчества. М., 1989,
с. 562–563, 1924*

Русская литература. Отчет об успехах психоанализа (1914–1919)

С. Н. Шпильрейн

Да не обидятся на меня русские коллеги, если этот отчет о русской литературе получится довольно неполным. Условия войны и ее последствия привели к тому, что мы здесь от России годами совершенно отрезаны.

В моем распоряжении только какое-то количество номеров¹ (из годов 1909 — 1914) московского журнала «Психотерапия», в которых появился ряд психоаналитических работ. Этот журнал был основан в 1909 г. и редактируется доктором Н. Вырубовым.

Уже имена сотрудников показывают, что журнал, во всяком случае до 1913 г., объединил психоаналитиков самых различных направлений. Здесь представлены и различные национальности, а именно — среди иностранцев — представители Вены, среди русских — москвичи (М. Асатиани, А. Бернштейн, Ю. В. Каннабих, Н. Е. Осипов, О. Б. Фельцман) и одесситы (И. А. Бирштейн², В. Лихницкий). В Москве, по-видимому, психоанализ попал на благоприятную почву. Когда зимой 1911–1912 гг. в Ростове-на-Дону я прочла доклад о психоанализе, то мое внимание также обратили на психоаналитическое движение в Москве, главными представителями которого были Осипов, Фельцман и Вырубов.

Осипов, первый ассистент Московской Психиатрической клиники, является, судя по доступным мне работам, верным приверженцем воззрений Фрейда, которые он мужественно защищает от нападков; он приводит также интересные доказательства из своей врачебной практики. О детской сексуальности ничего не упоминается; возможно, от того, что Осипов, как столь многие практики, не имеет возможности проводить чистый психоанализ и ему приходится применять комбинированные системы лечения.

В № 19³ Осипов указывает на то, что Толстой в упомянутой работе описывает свое собственное душевное состояние. Далее следует анализ рисунков по принципам Фрейда. Автор показывает, как тонко наблюдается развитие патологических симптомов тревожного страха больных и представляются психиатрические или, соответственно, психоаналитические опыты. Речь идет об истерии тревожного страха. В теоретической части Осипов борется с воззрениями Дюбуа и Оппенгейма, которые, на основе

¹ Позже мне попались некоторые небольшие работы различных авторов, которые здесь еще отчасти могли бы быть рассмотрены.

² Работы Бирштейна написаны с точки зрения Альфреда Адлера.

³ Имеется в виду очерк Осипова «Записки сумасшедшего», незаконченное произведение Л. Н. Толстого (к вопросу об эмоциях боязни). — Ред.

теории чувств Жане нападают друг на друга. Осипов тоже находит теорию Жане недостаточной; со Штумпфом, Лосским и другими он подчеркивает, что сопровождающиеся телесные ощущения не составляют суть эмоции тревожного страха, что мы можем, при случае (пример) наблюдать сопровождающие ощущения органов, принадлежавшие состоянию страха, без образования страха. Из этого Осипов делает вывод, что мы можем психотерапевтически повлиять на патологическое состояние страха, а именно — при посредстве психоанализа. Если бы мы приняли за основу «эмоции страха» органические ощущения, то было бы понятно развитие страха при нарушении сексуальной эмоции. Осипов не видел ни одного случая невроза страха без нарушений в области сексуальной жизни.

Чтобы не быть несправедливой к автору, я придерживалась его терминологии, с которой мы, при всей высокой оценке и теоретических истолкованиях, не всегда согласны.

Вырубов тоже оказывает нам хорошие услуги, хотя он тоже не чистый психоаналитик. Его небольшой анализ опечаток во время борьбы различных политических партий очень хорош. Ю.В.Каннабих упоминает все больше растущий интерес к психоанализу. О.Б.Фельцманн подчеркивает большое значение психоаналитических опытов для понимания и избегания суицидальных тенденций. Он, правда, не хочет признать себя совершенным последователем Фрейда, но приводит некоторые наблюдавшиеся им случаи с тенденцией к самоубийству, при чем он во всех случаях находит сексуальную этиологию. М.М.Асатиани описывает случай истерии с сумеречным состоянием. Леченный психоанализом. Л.Я.Белобородов рассказывает о случае излечения психоанализом. К сожалению у меня есть только окончание этого интересного анализа. А.Б.Залкинд поднимает вопрос, существуют ли врожденные невроты и есть ли специфические конституции, предрасполагающие к заболеванию определенной формой психоневроза. Он считает, что мы не можем установить предрасположение к определенному психоневрозу, при этом, однако, должны допустить общую врожденную психоневротическую основу, действующую, как предрасположение. Он неправильно критикует Фрейдистов, якобы отрицающих каждый вид органического предрасположения. После этой критики он все же удостоивает уважения многие из «индивидуально-психологических» законов развития, найденных последователями Фрейда. Автор признает, что невроз основывается на конфликте, но отрицает, что этот конфликт всегда должен быть сексуальной природы. Одно из своеобразных воззрений заслуживает упоминания. «Я даже считаю — говорит он, — что в последнее время могло повыситься количество невротозов по сексуальным причинам уже от того, что школа Фрейда на эту область направляет все свое внимание; этим она повышает роль сексуальности в глазах незнающего общества, то есть повышает патогенное значение сексуальности». Заключение в сочинении отсутствует, но я однако не думаю, что эта работа представляет особый интерес для нас, аналитиков, так как автор, как большинство несведущих, не приводит никакой собственной полемики, а дискутирует априори.

Воззрения Залкинда можно резюмировать в следующих фразах: «Невроз возникает за счет лишней, не потраченной аффективности, при еще незрелой психе, которая еще не сумела приспособиться».

«Невроз это негармоничная, не планируемая, нерациональная сублимация аффективности, результат нестабильности, неполной, незрелой установки витальных комплексов в индивиде». Судя по этой статье Залкинда, он принадлежит Юнговскому направлению. Он различает также два психологических типа — аналитический и синтетический, мыслящего дедуктивно и индуктивно, последний не интуитивно, а медленно образует целую систему логических конструкций. Первый в патологических случаях дает истерическое состояние, второй — психоаналитическое состояние. Ни Фрейд, ни Юнг не упоминаются.

Н. Н. Шрейдер исследует три метода психотерапии — гипноз, психоанализ и рациональная психотерапия (по Дюбуа), в их применении в различных случаях заболеваний. Он рекомендует гипноз там, где можно ясно видеть ход развития болезни без психоанализа, то есть где не находят ничего «вытесненного». Далее у неинтеллигентных больных и, наконец, в случаях, где тяжелое болезненное состояние делает необходимым быстрое вмешательство. При истерии всегда рекомендуется психоанализ. Здесь автор находит всевозможные причины заболевания — однако видит в сексуальной травме главную основу заболевания. Правда, автор не верит в полное излечение психоанализом, так как у невротиков приходится иметь дело с предрасполагающей патологической конституцией, но несмотря на это рекомендуется психоанализ, как гораздо более эффективное средство по сравнению с гипнозом. В некоторых случаях рекомендуется комбинированный метод психоанализа и гипноза. Рациональная психотерапия противопоставляется как метод. Обращающийся к критике больного, гипнозу и психоанализу, методам, которые должны устранять критику.

Рациональная психотерапия должна быть применена при психастении, а именно при психастенических состояниях пожилых лиц, которые мало пригодны для психоанализа.

А. Иоффе обсуждает случай гомосексуализма у одного фельдшера, постоянно грозившего самоубийством, для привлечения окружения в свою пользу. Когда ему, наконец, перестали доверять, он действительно выполнил свою угрозу: это производило также впечатление, будто он решился на это из тщеславия, чтобы над ним не посмеялись. Гомосексуальность этого человека Иоффе выводит из его детских отношений к отцу, при чем мальчик всегда идентифицировал себя с матерью. Дальнейшее, однако, непонятно: он любил мать и «ненавидел» отца, он постоянно думал, что мать знает все. Делает все лучше, чем отец, значительнее, чем отец. Так как он «играл роль своей матери», то он знает все, делает все лучше, чем другие и т.п. «Отец был деспот», «мать всегда бывала им оскорбляема». Так, якобы, объясняется чувствительность к оскорблениям у сына. Ненависть может быть воспринята, как реакция против гомосексуальной фиксации на отце, о которой Иоффе

говорит. Поражает, что Иоффе ссылается на Юнга и Теллера, но не на Фрейда, хотя ведь он анализирует случай по Фрейду.

Голоушев лечит интересный случай отвращения женатого мужчины к женским гениталиям, что годами делает невозможным нормальный коитус. Автор открыл, под гипнозом, детскую травму: на мальчика, в возрасте шести лет, набросились бесстыдные прачки, которые рассматривали его пенис и показывали ему свои половые органы, он заплакал и няня его увела. Дальнейшие случаи автор узнал без гипноза. Когда больному было 9 лет, он и его приятель видели у маленькой девочки половой орган, когда она подняла свое платье. Этот орган и в этот раз показался ему отвратительным, он почувствовал влечение мучить этот противный орган. Это чувство было перенесено на всю женщину, так что дети заставили девочку бегать босиком, с поднятым платьем, по рассыпанным мелким гвоздям. После этого небольшого анализа, Голоушев применил следующий метод: он пытался при гипнозе отделить у своего больного представления о женских гениталиях от представлениях об этих органах у прачек. Когда это было достигнуто, он внушил больному, что женский орган это нечто очень привлекательное и коитус очень приятен. В две недели больной был настолько восстановлен, что хотел провести с женой нормальный коитус, но жена ему отказала. Тогда он это попробовал с другой женщиной, где это ему удалось. С тех пор он излечен.

Две брошюры д-ра Дрознес Л.М. (Одесса) написаны ясным языком и очень достойны быть рекомендованными. Автор показывает, что ни новые теории обмена веществ, ни описательно-клиническая психиатрия не могут объяснить суть и причины возникновения психического содержания душевной болезни. Отчего не все сифилитики заболевают прогрессирующим параличом, а только 4,7%, это нам не может объяснить материалистически-монистическое воззрение. Теория наследственности также оказывается недоступной, так как, во-первых, не во всех случаях удается — при всем желании — доказать наследственную отягощенность. И во-вторых, мы имеем довольно много наследственно отягощенных лиц, несмотря на это не заболевающих психозом. Так, автор приходит к необычному значению воспитания и переживаний в раннем детстве, сексуальных переживаний в смысле Фрейда, хотя понятие «гомосексуальная зависимость» у автора не совсем ясно и может привести к ошибке; хорошие примеры из психоаналитической практики достаточно компенсируют ошибку.

Вторая небольшая работа это популярное, легко усваиваемое изложение взглядов Фрейда о сути онанизма. Автор особо подчеркивает большой вред, могущий возникнуть из чрезмерного страха и упреков самому себе по поводу онанизма, которому в действительности предаются 95% нормальных людей длительное время.

Кроме оригинальных работ русских авторов, журнал «Психотерапия» приводит работы иностранных авторов в русском переводе, в том числе и работы Фрейда. Далее реферируются работы из международного журнала по

психоанализу (International Zeitschrift für Psychoanalyse) и другая психиатрическая литература, и отчеты о конгрессах.

Среди работ русских исследователей, реферированных в «Психотерапии» заинтересует «Симптомы и психотерапия заикания» д-ра медицины Неткачева. Новый психологический метод лечения, 1913, VI и с. 126 (реферат Вырубова). Докладчик рассматривает заикание, как психоневроз, который он лечит на основе методов Дюбуа, Фрейда, Дежерина и других, а также гипнозом.

Далее: «Труды Психиатрической клиники императорского московского университета», под редакцией профессора Ф. Е. Рыбакова, № 1, 1913, с. 384 (реферат Вырубова).

Первый том содержит работы Ф.Е.Рыбакова: «Влияние пола и возраста на психические заболевания», «Влияние научных направлений в психиатрии на диагностику душевных заболеваний». Д-р Ермаков: «Истерическая эпилепсия, патология эмотивности дыхания». Статьи Е. Петрова, Тарасевича, М.П.Кутанина, д-ра И.А.Азбукина возбуждают, вероятно, скорее общепсихиатрический интерес. Среди рефератов надо выделить реферат «О шизофрении» Блеилера (60 с., реферат Кутанина).

Пятый международный конгресс по попечению о душевнобольных в России, Москва, 8–13 января 1914 (26–29 декабря 1913) (по старому стилю). Реферировать д-р И.Мацкевич и д-р А. И. Прусенко в ежемесячнике «Вопросы психиатрии и неврологии», под редакцией М.И.Лахтина.

Д-ра Мария и Н.Н.Баженовы говорят о dementia praecox и дегенерации. Они упоминают различные воззрения на dementia praecox и критикуют как понятие «дегенерация» французской школы, преувеличенное этиологическое значение, приписываемое наследованию, так и дифференциальную диагностику Крепелина, которая опирается на клинические и патолого-анатомические симптомы. Только учет всех симптомов (по их мнению) позволяет поставить правильный диагноз.

В дискуссиях выступает Розенбах (Петербург) против Маньяна. Вайгандт (Гамбург) считает, что трудно, даже при соматических заболеваниях, ставить диагноз на основании физических симптомов и в психиатрии это особенно рискованно. Мы еще не можем по физическим признакам дегенерации диагностировать форму психоза.

Оршанский: «Вторичная психическая дегенерация, как симптом некоторых хронических психозов». П.П.Тутышкин: «Юридическая ответственность душевнобольных». Гесс: «Повышение границы совершеннолетия для психопатов». При психопатии с моральными дефектами надо было бы удлинить время надзора и воспитания, которое должно быть психиатрически-педагогическим. Карпов: «О рисунках душевнобольных».

1. Рисунки нормальных людей создаются по законам симметрии, то есть если часть рисунка отклоняется от образца, то и другие части подвергаются таким же отклонениям.

2. Среди рисунков душевнобольных по прилагаемому образцу мы находим такие, которые мало отличаются от рисунков здоровых.

3. В рисунках душевнобольных иногда видны симптомы болезни, которые могут быть невыявлены другими методами исследования.

4. При совместной с врачом работе над рисунками, отношение между врачом и больным становятся более сердечными, растет доверие к врачу.

Г. Россолимо: «Упрощенный метод исследования дефектов интеллекта».

С. Рабинович: Результаты обследования детей по методу Россолимо».

Остальные доклады (по отчету в «Munch. Mediz. Wochenschrift, 1914, № 14).

Баженов: Исходя из теории гения, как гипертипичной формы человеческого духа при определенных патологических симптомах, как и из других теорий, что художественное творчество подвержено влиянию подсознания, Баженов обсудил сначала Гёте (циклотимия), затем Руссо, затем циклотимного Гоголя, депрессивные состояния Шиллера, Ст. Милля, Ньютона и т.д. Достоевский был эпилептиком, Мопассан страдал головными болями и артеризмом. Докладчик защищается от упрека, как будто бы врачи такими исследованиями стараются злонамеренно принизить великих людей. Госпожа д-р Штрассер-Эппельбаум (Цюрих) говорила об аутистическом мышлении при dementia praecox. Чтобы понять шизофрению не надо было бы упрощать исследование расчленением, а надо было бы проследивать улавливаемое в его связях с его развитием и пытаться понять генетически.

Для понимания надо было бы интуитивно вчувствоваться в особый вид мышления. Деменция прекос это, психологически, результат полной избыточной реакции человека на все восприятие мира, которое еще не привело к возврату к собственному Я и к отворачиванию от реального.

*Перевод М. И. Шпильрейн.
Beiheft der Internationalen Zeitschrift für Psychoanalyse,
1921, № 3, S. 202–212*

К психоанализу костюма¹

А. Р. Лурия

Современными учеными установлено, что одежда является результатом стремления к украшению и в основе своей имеет некоторые эстетические переживания². Этот взгляд, пришедший на смену упрощенной и устаревшей теории «этического» происхождения одежды, достаточно утвердился и в настоящее время является не только теоремой, установленной в узких ученых кругах, но представляется общепринятым, проникшим и в широкие читательские круги³.

Все же за этой общепринятостью скрывается ряд неясностей, сомнений.

В самом деле, можем ли мы предполагать у первобытного человека ту сложную эмоциональную конституцию, которая отражалась в эстетическом стремлении к одежде; можем ли мы, дальше, предполагать, что эти эстетические переживания у первобытного человека могли быть до такой степени сильны, чтобы отпечатлеться на таком большом и устойчивом социальном факте, как одежда.

Современная психология рисует нам эстетическое переживание как переживание весьма сложное, переживание вторичное. Можем ли мы, исходя из этого, думать, что в дикаре, у которого мы видим первые зачатки одежды, вторичные, сложные эмоции так сильно преобладают над первичными, что часто даже заглушают их? Не правильнее ли было бы думать, что за эстетическими, религиозными, эстетическими и подобными сложными переживаниями в душе первобытного человека коренятся некоторые более простые, первичные, но зато и более сильные эмоции и влечения чисто личного, персонального порядка, которые и выражаются в целом ряде внешних рефлексов, организованных актов, и, между прочим, в создании одежды.

Такая постановка вопроса удовлетворяет нас больше, так как она больше соответствует нашему взгляду на примитивную, сотканную из взаимно сталкивающихся первичных эмоций психику первобытного человека.

Правда, такая постановка вопроса делает нашу задачу труднее. Становится нужным не только констатировать имеющиеся у нас материалы в виде ярких перьев, резкой татуировки, различного цвета и форму кусков материи и т.д., но и вскрыть *внутренние мотивы человека*, употребляющего их. (Задача стоящая здесь — исследовать одежду как рефлекс, подчиненный

¹ Текст любезно предоставлен Е. Г. Радковской при поддержке гранта РФФИ № 98-06-80159

² Ср. работы Шульц Г. «История первобытной культуры», русс. изд., Спб., 1910 г.

³ Ср. Энциклопедический словарь «Просвещение», ст. Одежда (т. 14, с. 325): «Одежда во все времена у культурных народов служила выражением эстетического чувства...» и т.д.

вполне определенной психологической «цели», «установке» и имеющий определенное биосоциальное значение.) Короче, наша задача может быть формулирована как задача *психоаналитическая*.

Мы можем начать нашу работу одновременно с двух сторон: культурно-исторической и индивидуально-психологической.

Мы можем, прежде всего, взять костюм определенных докультурных и культурных масс; он явится для нас материалом массовой психологии, тем отпечатком, симптомом, на основании которого мы сможем судить о психологии коллективов и личностей эпохи.

Мы должны будем выделить здесь, прежде всего, ряд основных групп, основных *типических* костюмов.

Справляясь дальше с социальным положением и социальными задачами этих групп, мы из них сможем объяснить некоторые особенности в их «социальной установке» и в их костюме.

С другой стороны, мы сможем оперировать и методом индивидуально-психологического анализа.

Мы уже указали выше, что те первичные мотивы, которые вызывали одежду, нельзя считать мотивами явными. Они существовали в психике первобытного человека как более или менее бессознательное психическое ядро. По новым данным психологической науки мы, однако, знаем, что эти бессознательные мотивы, господствовавшие в далекие доисторические времена, остались в психике современного человека, и, будучи вытеснены в бессознательную сферу, до сих пор составляют первооснову его психической жизни¹. Это положение психоанализа развертывает перед индивидуальной психологией совершенно новые пути — пути познания психики прачеловека при помощи анализа, глубин душевной жизни современных людей. То, что мы называли атавизмом, есть лишь частичное проявление, симптом заложенного в каждой индивидуальной психике первичного, прачеловеческого ядра примитивных влечений. В деле анализа мотивов возникновения костюма этот метод кажется нам вполне пригодным.

В нашей психологической практике, психоанализ предлагает нам ценную мысль: это мысль о скрытой сексуальной основе ряда психических мотивов и актов.

Мы не должны понимать этой мысли узко риготически; мы не думаем, что в основе каждого переживания лежат обязательно мотивы грубо-полового характера и что потребности личности сводятся к потребностям пола. Мы думаем, что эту мысль гораздо правильнее было бы понимать в том смысле, что сексуальная организация человека в высокой степени сказывается на всем строении его психики, так что часто мы можем говорить о мужском и о женском типе влечений, переживаний, фантазий и т. д.

В таком распространенном толковании эта мысль кажется нам глубоко правильной. Ведь в самом деле: момент тела играет огромной важности биологическую роль, которая сводилась к поддержанию рода. Биологически

¹ Фрейд З. О бессознательном. В сб.: Основные психологические теории в психоанализе, 1921.

же каждому из полов предназначены вполне определенные, разграниченные функции в исполнении этой задачи. Социально мужчина и женщина во все времена имели каждый свою особую, вполне определенную сферу социальных функций и задач. Психика, которая является сложным результатом ряда биологических и социальных функций, несомненно должна также отразить в себе такое положение. И в действительности, анализируя типическую психику мужчины и женщины, мы всегда встречаем в каждой свою особо арранжированную комбинацию потребностей, влечений, интересов, и — шире — психических содержаний¹.

Не вызывает сомнений, что в типической женской психике мы гораздо чаще встречаемся с циклом преимущественно пассивных эмоций, которые группируются вокруг потребностей сексуального порядка — потребностей «нравиться», «привлекать» и т.п. Наоборот, в типической психике мужчины гораздо обычнее ряд по преимуществу активных эмоций, располагающихся вокруг не столько чисто сексуальных, сколько (более широко) — социальных влечений — утверждать себя, расширять свою власть, покорять преобладать². Так создаются два совершенно различные типа психических влечений, так, больше того, создается два совершенно различных социальных типа, из которых один избирает кругом своих действий семью, а другой — по преимуществу общество³.

Эта психосоциальная группировка не могла не отразиться и на мотивах происхождения одежды.

Мы сразу же можем сказать, что считаем маловероятным единый корень происхождения одежды.

Мы думаем, что здесь в гораздо большей степени, чем в чем-нибудь другом, сказалось это сексуальное разграничение психических конструкций. Поэтому-то говоря о мотивах происхождения одежды мы с гораздо большей охотой будем говорить о мотивах специально мужских и специально женских. Но нашему мнению, они глубоко различны, и женская одежда имеет психологически существенно другой корень, нежели мужская.

Выше мы как-то вскользь упомянули, что считаем одежду чем-то в высокой степени связанным с личностью, отражающим ее психическую жизнь, чем-то почти органическим. Мы кратко формулировали это, заметив, что будем изучать одежду «как рефлекс». То, что, делая подобные утверждения, мы находимся на правильном пути, подтверждает и распространенное толкование «органического» у *Джемса*, который полагает, что «в самом широком смысле личность человека составляет общая сумма того, что он может назвать «своим» не только его физические и душевные качества, но также его *платье* (курсив наш. — *Ал. Л.*), дом... и т.д. Являясь частью в широком смысле личности, одежда отражает внутренние мотивы и

¹ Нам нет надобности указывать на трактовку, которую дал этому вопросу Отто Вейнинггер.

² Прекрасное освещение мужского типа дал *Ницше*. Указанным, конечно, не исключаются случаи «психического гетеросексуализма», при котором положение отмеченных аранжировок резко меняется.

³ Ср. <...> а также ссылки в «Истории первобытной культуры».

переживания человека. Здесь — мостки между одеждой и в собственном смысле органическими функциями человеческой личности.

Все это важно нам для того, чтобы исследовать проявления и мотивы «рефлекса одежды» на самых зачаточных ее ступенях, там, где мы, собственно говоря, не можем даже говорить об одежде. Мы имеем в виду *внешний вид отдельных животных*. Будучи, как и все в организме, результатом приспособления организма (и его потребностей!) к условиям среды, этот внешний вид неизбежно должен отражать эти внутренние потребности — инстинкты, эти первичные «желания», которые предъявляет животное к среде. Он является, таким образом, симптомом этих внутренних желаний и филогенетически может изменяться в зависимости от изменений этой внутренней «психической» конструкции¹.

У животных, при исследовании их внешнего вида, структуры и окраски покровов их тела мы сразу же натолкнемся на подтверждение нашего положения о двух корнях происхождения одежды. Место психоаналитического исследования мотивов здесь займет биологическое исследование функций тех или иных органов внешних форм.

Нет надобности приводить уже давно установленные факты. *Дарвин* первым показал, что яркая окраска некоторых животных имеет своим мотивом привлечение животных другого пола. Эта окраска имеет, таким образом, сексуальную подкладку, и ее мотив может быть назван стремлением нравиться и привлекать². Рядом с этим мотивом окраски структуры покровов, современная биология отмечает еще другой мотив окраски и структуры «внешнего вида», который главным образом характерен для самцов некоторых видов. Проф. Фаусск³ в своих исследованиях закаспийской фауны обратил внимание на некоторые особенности тех животных, которым приходится часто вступать в борьбу с «врагом», защищаться и нападать на него. Он обратил особое внимание на некоторые придатки их, некоторые особенности их окраски и т.п. Исследуя биологическую функцию, Фаусск нашел, что ее можно квалифицировать как функцию обороны или нападения, причем указанные придатки играют в этой борьбе роль *устрашения*.

Среди млекопитающих эти придатки и особенности окраски распространены главным образом у самцов, биологическая функция которых часто ставит перед ними задачу борьбы за суку, устрашения врага и т.п. У самцов эти особенности приобретают поэтому значение «вторичных половых признаков»⁴. К этим придаткам он относит, например, гриву у самца-льва,

¹ Оригинальную точку зрения на этот вопрос выдвинул Эд. К. в своей статье «Эксфолиация», см. сб. «Цивилизация, ее причины и <...>» в пер. Ив. Наживина, М., 1906, ст. 212

² *Дарвин*. Происхождение человека и половой подбор, пер. под ред. И. М. Сеченова, СПб, 1874, т. II, гл. 17 и 18.

³ *Фаусск*. Биологические исследования в Закаспийской области, ст. «Движения угрозы» (IV и V) — в записках Русского географ. об-ва по отд. общей географии, т. 7, в. 2, Спб., 1906.

⁴ Ср. *Фаусск*, цит. соч. стр. 101, 108 и сл. <...>.

причем выводит в качестве общего положения, что при помощи этих вторичных половых признаков, служащих задаче устрашения, животное как бы хочет сделаться больше по объему, «страшнее» и т.п.¹ Если б речь шла о человеке, мы сказали бы, что оно хочет стать импозантным, внушительным, принять соответствующий устрашающий вид.

Эти два подхода к внешним покровам у животных сразу дают возможность различить два типа мотивов, заставляющих их варьировать, причем эти мотивы являются специфически сексуальными.

В истории нашего вопроса много говорилось о символическом значении одежды. Вопрос в принципе ставился правильно: ошибка была лишь в ложном предположении наличия у некультурных людей сложных эмоций, выражающихся в объективных символах. Следуя правильному пути, надо искать внутренних психологических мотивов одежды, а ее самое рассматривать как символ, выражение, симптом этих первичных, быть может, бессознательных, стремлений.

Анализируя, таким образом, одежду диких народов как выражение их влечений, мы опять-таки подойдем к трактовке одежды как «вторичного полового признака», хотя и признака психического порядка.

Старая теория находила корень происхождения одежды (главным образом женской) в некотором прирожденном чувстве стыдливости, заставляющем женщину скрывать одеждой свои половые признаки. Эта теория, подвергнутая сильной критике со стороны ряда ученых², обнаруживает, однако, свою несостоятельность благодаря многочисленным исключениям: ряд народов не только не обнаруживает такой стыдливости, но и одеждой еще более оттеняет половые органы³.

Именно это заставляет бросить маловероятную теорию о наличии сложной эмоции стыда у первобытного человека и искать некоторых более правдоподобных мотивов.

Так, Шурц, сводя чувство стыда к внешнему, экзогенному фактору — страху под влиянием норм, налагаемых обществом на половую деятельность личности⁴, однако отмечает вскользь и другой, эндогенный и крайне интересный для нас мотив происхождения одежды у женщины. Указывая на отмеченный уже нами момент *подчеркивания одеждой половой сферы*, он полагает, что «одежда в виде украшения (у женщины) имеет целью возбудить внимание, часто даже служить приманкой чувственности. Это... соответствует естественной любовной тактике женщины, с ее попеременным разжиганием и отталкиванием поклонника»⁵.

Можно думать, что здесь уловлен основной внутренний мотив типической женской одежды, мотив, не имеющий ничего общего со сложной эмоцией стыдливости, но зато являющийся выражением примитивного,

¹ Фаусск, цит. соч. стр. 100.

² Ср. Ахелис. Современное народоведение. Спб., 1900, стр. 46, а также критику Шурца, Штейнека и др.

³ Так, у <...> на одежде встречаются изображения «скрывааемых» половых органов.

⁴ Шурц, История первоб. культуры. Спб

⁵ Там же, стр. 67.

первичного стремления «нравиться», чтобы сексуально привлекать. Этот мотив психологически может быть признаком достаточно сильным, чтобы служить основным для всякой типической женской одежды.

Конечно, мы рассматриваем вопрос «идеально», то есть разбираем те идеально-типические формы, которые рисуются в желаниях и фантазиях индивида, исходя из его бессознательных влечений. Это тот <...>, который всецело разворачивается лишь в мире тактических построений, отталкивающих всякое напоминание о реальности. В реальность этот мир желаний воплощается лишь постольку, поскольку ему это позволяют внешние условия и внутренняя контролирующая моральная инстанция — «цензура». Поэтому-то мы в чистом виде так редко можем встречать типическую женскую одежду, всецело удовлетворяющую подсознательные стремления — подчеркивать свои сексуальные признаки, чтобы сексуально привлекать. Внешние условия создают ряд препятствий, видоизменяющих форму желаемой одежды, внутренние моральные мотивы с ужасом отворачиваются от бессознательных влечений и фантазий, создавая для маскировки их полярные им формы — формы прикрытия сексуальных признаков и компенсаторно-усиленной эмоции «стыда»¹.

Примеры таких «прорывающихся» иногда типических женских одежд в доисторическом и историческом обществе смогут нам достаточно подчеркнуть сексуальное значение женского костюма.

Если мы возьмем на себя труд просмотреть альбомы мод, мы увидим как эта сексуальная, привлекающая и «дразнящая» роль костюма прорывалась одинаково на протяжении всех времен. Самый характер этих мод показывает, как вытесненный осуждаемый «цензурой» мотив прорывается, хотя бы окольными путями, хотя бы намеками. Это еще раз указывает на правильность той системы проявления бессознательного, которую нам дал [Фрейд] в своих работах о сновидении и неврозе.

Моды никогда не дают нам прямого подчеркивания или открывания половых признаков, но зато огромное большинство их дает нам подчеркивание «вторичных половых признаков», открывая, как декольте XVIII и начала XIX века область груди, турнюры, фижмы, боковые разрезы платьев и т.д. Французские моды XVIII века дают этому очень характерные примеры². Этим достигается некоторый «обход» подавляющего влияния «цензуры» и, вместе с тем, нужный для бессознательного эффект. Материал, который дают нам моды, до такой степени ясен и недвусмысленен, что, просмотрев его, навряд ли можно сомневаться в мотивах типической женской одежды в современном обществе.

Иногда, однако, обход «цензуры» достигается иным, обратным путем. Это — путь маскировки, скрываете всех форм тела под пышными складками одежды, а лица — под густой вуалью. В таких случаях одежда не дает

¹ Ср. подобный случай у <...>, когда больная, ранее бессознательно желавшая смерти своей матери, затем компенсаторно маскировала это усиленными заботами о ней.

² Сексуальный, дразнящий характер мод прекрасно иллюстрирован в альбоме <...>.

никакого подчеркивания сексуальных признаков, однако, скрывая их, оставляет максимум места для фантазии, направляя ее на построение «догадок» и соответствующих желаниям картин, которые, конечно, строятся всегда в нужном для бессознательных сексуальных влечений направлениях.

Прекрасную иллюстрацию подобного влияния скрывающей формы тела одежды дает нам *Жорж Роденбах* в своей пьесе «Покрывало»¹, где влечение героя развивается именно благодаря дающей поле фантазии таинственности его объекта — монахини, волосы которой скрыты покрывалом. Что такое действие скрывающей одежды было известно уже давно, показывает известная фраза Мольера <...>. Здесь — вся философия одежды, скрывающей, чтобы подчеркнуть².

Однако наиболее типический вид женской одежды, наиболее откровенно указывающий на бессознательные мотивы ее употребления, дают нам одежды тех моментов, когда контролирующая сила «цензуры» наиболее ослаблена.

В индивидуальной психике такие моменты, согласно работам [Фрейда] бывают во время сна, в состоянии невроза. Однако они могут проявляться и в социальной психологии. В своих новых работах [Фрейд] говорит, например, о толпе, в которой интеллект отходит на задний план, «цензура» ослабляет свое действие, и наружу появляются те влечения и страсти, которые были подавлены и находились вне сознания.

Однако толпой мы для нашей темы воспользоваться не можем. Здесь мы можем изучить лишь отдельные внешние проявления психических состояний, вроде жестов, которые могут подтвердить наш взгляд на глубины человеческой психики. Для анализа мотивов, вызывающих одежду и ее формы, нам нужно найти то более постоянное и конструированное социальное состояние, которое сохраняло бы особенности толпы и которое могло бы выражать в одеждах своеобразие своего психического состояния.

Прекрасным примером подобного состояния может служить *карнавал*. Надо заметить, что для психологии карнавала характерно то, что он являлся как бы компенсацией за долгое воздержание от всяких удовольствий, за усиленное господство цензуры во время Великого Поста. Вместе с тем, он является реакцией на подавляющую бессознательные, первичные желания и влечения, христианско-аскетической церковной культуры. Именно во время него, один раз в год, прорываются эти подавленные желания и ярким, широким, хотя и кратковременным разгулом, компенсируют годовое подавление их. Прекрасную психологию карнавала как кратковременного царства освободившихся желаний и фантазий дал Э. Т. А. Гофман в своей «Принцессе Барамбилле»³.

¹ Русс. пер. Эллиса, изд. «Заратустра», Москва, 1907.

² Ср. подобную же трактовку картины Wenzel Hollard «L'Ete» в цит. альбоме. Картина эта относится еще к 1641 г.

³ Русс. пер. в: Собр. соч., т. 8, Спб., 1899, изд. Некрасова.

Яркие, дразнящие женские костюмы карнавала вполне соответствуют общему настроению его, и, как мы полагаем, являются весьма характерными для типической женской одежды вообще и тех скрытых желаний, которые пытается наложить на нее свой отпечаток, сформировать ее сообразно своим мотивам. Обнажающая дремлющие инстинкты психология карнавала дает этому наиболее благоприятную почву.

То же самое видим мы и в другом виде «каникул человеческой души» — в *танце*. Танец — специфически женский вид искусства. Ни одно другое искусство не имеет столько адептов среди женщин, ни одно не характерно именно для женщины в такой степени, как танец. В своем зарождении, соединяя религиозный экстаз с сексуальными мотивами (ср. танец в греческой и индусской религии; танец у русских сектантов), он дает в высшей степени характерные примеры специальных женских костюмов, ярко подтверждающих наши положения. Костюмы балета, танца не столько скрывают сексуальные признаки человека, сколько подчеркивают, выставляют их. Эффект такого костюма и сексуальное значение танца общеизвестны.

Именно эти мотивы позволяют считать костюм танца характеристическим женским костюмом.

Когда от характеристического женского костюма и отдельных его проявлений мы переходим к рассмотрению *мужского костюма*, мы переходим уже в область существенно иных психологических мотивов. Если в женском костюме мы видели проявление вытесненного в бессознательное желаний сексуально нравиться и привлекать, то в мужском костюме мы встречаем отражение второго, не менее важного мотива человеческой жизни — стремления к самоутверждению, к утверждению и расширению своей власти, стремления быть сильным, выдающимся, могучим.

Этот мотив пронизывает всю человеческую психику и часто может конкурировать с силой сексуального влечения. В психической жизни он проявляется как «воля к власти», блестяще обрисованная Ницше¹, Штирнером² как <...>, как честолюбие и стремление к славе, наконец, как потребность самовыставления, «признания другими», социального преобладания, по меткому выражению одного итальянского исследователя, потребность <...>³. Если принять во внимание ее биологическое значение в борьбе за существование, ее безусловную биологическую первичность, можно считать ее, наравне с сексуальным влечением, наиболее глубоким и сильным влечением человеческой психики.

Неудивительно, что эту <...> мы относим, главным образом, на счет мужчины. Именно ему биологически выпадает на долю трудностей в борьбе за существование. Самый характерный для его сексуальной структуры

¹ Ср. русс. пер., изд. «Шиповник», М., 1911

² <...> Классическое выражение этой подробности, в силу своей откровенности имеет огромный интерес для психоанализа.

³ Ср. Л. Брентано. Опыт теории потребностей, мой пер. Казань, 1921, стр. 23–31, <...> мой перевод готов к печати.

момент активности, овладения толкает нас на такое утверждение. В то время как эта же структура у женщины дает психическое преломление сексуальных влечений в виде преимущественно пассивных стремлений «нравиться», «привлекать», для мужчины характерно именно это стремление утверждать свою власть, преобладать.

Уже, как указано было выше, борьба за самку в животном мире вызывает у него первичные инстинкты — если так можно выразиться, — стремления быть сильнее, больше своего конкурента. Этот инстинкт близок на первичной ступени к инстинкту сексуальному, и из слияния этих обоих инстинктов (лишь иногда расщепляющихся) и вырастает та яркая, бьющая в глаза окраска животных-самцов, та увеличивающая их величину внешность, которая служит для устрашения врага и которую, как выше было указано, исследовал русский биолог *В. Фаусск*.

Эта «устрашающая» окраска самцов дает прообраз типической мужской одежде в человеческом обществе.

Правда, при исследовании ее мы сталкиваемся с теми же затруднениями, что и при исследовании типическом женской одежды. Дело в том, что сексуально (и социально) агрессивные тенденции мужчины, открыто проявляющиеся у животных, не могут так же открыто проявиться у человека. Социальные условия, в которых живет человек, не могут допустить беспрепятственного проявления агрессивных тенденций, которые грозят установленной культурой социальной солидарности. Именно поэтому эти первичные влечения, так же как и соответствующие сексуальные влечения в женской психике, вытесняются «цензурой» и остаются в подавленном состоянии в сфере бессознательного. Как таковые они могут проявляться не всегда, но лишь в соответствующих специфических условиях ослабления «цензуры», и метод исследования их отражения, например на одежде, диктуется всецело этими условиями.

Нам нетрудно будет найти те моменты, в которые эти дремлющие в обычной психике первичные инстинкты прорывается и отражаются на одежде как внешнем симптоме.

Гораздо более яркий пример дает нам анализ другой искусственной массы — войска. Войско является именно той социальной группой, искусственно созданной, в которой особо важную, основную роль играют указанные стремления и мотивы.

В индивидуальной психике подавленные желания, приводя в движение механизм фантазии, создают некоторый специальный идеал личности <...>, который в точности соответствует этим влечениям и желаниям. В свою очередь этот «идеал личности» как реальная психологическая сила не может остаться без влияния на социально-культурные формы; он налагает на них известный отпечаток, вызывая к жизни те формы социальных группировок, которые удовлетворяют бессознательным стремлениям и созданным ими идеалам личности. Сказать, что война и войско создаются воинственным духом человека, значит еще ничего не сказать, но выставить положение, что война и войско являются социальным последствием потребности человека в

утверждении и расширении своей власти, значит — вскрыть психологическую сущность всякой армии.

Нам ясно будет, что воин — тот «идеал личности», который диктуется подавленными культурой, асоциальными стремлениями; что каждый человек бессознательно тянется к этому идеалу силы, самоутверждения, непрерывного овладения, агрессивности. Даже самый мирный человек таит в глубинах своей психики как атавизм бессознательное стремление к этому «идеалу». Прекрасную иллюстрацию этому дает одно место из дневника *Л. Н. Толстого*, где он описывает свое душевное состояние при встрече с двумя конными гусарами. Теоретически он осуждает их, но бессознательное влечет его к этим красивым, и, прежде всего, сильным фигурам. И у него, независимо от воли, вырывается восклицание: «А молодцы ведь! Молодцы-то!»

Основной мотив одежды войска, диктуемый этими бессознательными, скрытыми желаниями, — это мотив приобретения благодаря ей наибольшей импозантности, кажущейся силы, величины: одежда воина должна производить впечатление неуязвимости и устрашающей мощи.

Эта импозантность одежды воина-солдата всех времен часто приобретает и сексуальный смысл, помогая производить «неотразимое впечатление» и овладевать с помощью импозантности и силы внешнего вида сексуальным объектом.

Основные механизмы, при помощи которых достигается нужный эффект сразу бросается в глаза при рассмотрении военных костюмов различных эпох. Это те же механизмы увеличения объема, яркости окраски и т.п., которые отмечены проф. *Фауссом* для животного мира.

Так, в военных костюмах индейцев мы видим большие головные украшения их перьев, придающие воину крайне импонирующий, почти устрашающий вид. То же самое впечатление производят и древние греческие шлемы с большими пластинками, прикрепленными к верху шлема и украшенные конскими хвостами. У всех диких народностей одежда имеет главное место у воинов и приобретает у них особые, специфически устрашающие врага формы; наоборот, нагота означает, например на Яве, знак покорности¹.

Интересно, что бессознательные мотивы, вызвавшие именно такие формы одежды у войск, удержались и до сего времени и часто вступают в конфликт с видимыми практическими соображениями. Так, несмотря на то, что огнестрельное оружие тактически сделало уже ненужным устрашение врага своим внешним видом, в русской армии эпохи Суворова унтер-офицеры «для эффекта» (а он для них как непосредственных начальников рядовых солдат имел первенствующую степень важности) имели не огнестрельное орудие, а алебарды². Французская армия при Наполеоне I имела высокие медвежьи шапки с красными султанами, явно непрактичные,

¹ *Шури*, История первобытной культуры., Спб., 1910, стр. 564.

² Ст. «Форма обмундирования войск» в слов. Брокгауза-Эфрона, т. 71, стр. 277.

но делавшие солдат гораздо выше ростом и импозантнее с виду¹; русский гусар 1812 г. имел высокий кивер, расширяющийся кверху с золотым орлом и султаном, высотой (вместе с султаном) около одного аршина, что сильно увеличивало рост гусара². То же самое можно проследить и на формах армий Великой Европейской Войны 1914 г. Примером может служить созданный с явным расчетом на психологический эффект костюм «гусаров смерти», с их черепами и шкурами, напоминающими ребра скелета (костюмы «галифе» и увеличение объема). Наконец, небезынтересно будет отметить новые костюмы Красной Армии, созданные вопреки всяким требованиям военной маскировки, но проявляющие опять-таки ту же бессознательную тенденцию. Мы отметили бы у них оригинальные высокие и остроконечные шлемы, сразу дающие образ очень воинственного и сильного солдата, с резко бросающейся в глаза огромной красной звездой, напоминающие древние варяжные головные уборы. Отметим также кавалерийскую и артиллерийскую форму Красной армии, выдающуюся своими резкими красными и синими полосами, нашитыми поперек груди и резко окрашенными узлами воротников. Конечно, все эти украшения не могут иметь в строгом смысле практического значения, но, принимая во внимание психологию и основные мотивы армии, можно достаточно очевидно понять, какие подсознательные влечения они запечатлевают.

Я приведу лишь еще один пример из типических мужских костюмов эпохи революции, потому что он нам очень пригодится впоследствии. Во время революции среди военных и гражданских революционных работников был очень в ходу кожаный костюм, главным образом кожаная тужурка. Ввели эту «моду» матросы, бывшие, как известно «зачинателями» русской революции; отсюда «мода» привилась и распространилась на всех почти «ответственных» работников-революционеров. Поэтому в эпоху военного коммунизма (1918–1920) и стал так обычен тип «кожаного человека» — в кожаных брюках, тужурке, фуражке и сапогах, с наганом за поясом и (часто) большой красной звездой на груди. Практические преимущества кожаного костюма не оставляют сомнений; однако, рядом с этим, без сомнения, скрыты и мотивы чисто психологические. Достаточно было появиться «кожаному человеку», чтобы обыватель начал чувствовать некоторое смущение, страх, оторопь. Нам думается, что здесь мы имеем дело не только с установившимся «реноме» кожаного костюма, но и с некоторыми его свойствами. Кожаный костюм, по нашим наблюдениям, давал особенно яркое впечатление какой-то особой мощи, неуязвимости. Если так можно выразиться, он является симуляцией брони, он прекрасно воплощает типический мужской «Ich-Ideal» — идеал силы.

Именно поэтому мы и склонны были бы, выражаясь гиперболически, рассматривать его как вторичный половой признак мужчины, как одно из высших выражений типической мужской одежды.

¹ См. изображение в изд. «Отечественная война 1912 г.», М., 1912, т. I, илл. к стр. 120.

² См. то же издание, т. II, илл. к стр. 136.

Не менее ярко значение одежды в тех общественных группах, самое существо которых связано с эмоциями могущества, самоутверждения, господства. Я имею в виду наряды царей, вождей всякого рода и т.п. Первичные стремления к власти, могуществу выражены в них с особенной чистотой и яркостью. Недаром думает [Фрейд], что психологически вождь замечает собой индивидуальный «идеал личности», всевластный, могущественный, стоящий выше норм и являющийся их источником.

Одежды этих групп ярко выражают эти основные эмоции. Красные с меховой оторочкой мантии остались и до сих пор, и именно они придают их носителям какой-то особенно торжественный вид, какую-то особую таинственность, внушающую всем страх и подчинение.

И эти одежды мы сможем причислить к примерам типического (= идеального) мужского костюма, вполне соответствующего мужскому типу скрытых желаний. Все они, вместе с одеждой воинов, могут рассматриваться как прорвавшийся в социальной жизни симптом ряда бессознательных желаний, группирующихся под одним общим признаком — стремление к возвышению себя.

Однако некоторые факты будто бы противоречат выставленной нами теории мотивов одежды. Но именно такие акты, по своему виду противоречащие нашей теории, представляют для нас особый интерес, так как на них легче всего проверяется и подтверждается выставленная гипотеза. Таков общий принцип психоаналитического метода: обращать внимание на отступления, «случайности» и из них уже выводить общие законы.

Мы говорим здесь о тех случаях, когда женщина носит одежду, определенно характерную для мужских мотивов, и совершенно не имеет ничего общего с женским типом одежды.

Мы могли бы здесь привести пример женщин эпохи революции или женщин-революционерок. Прекрасный тип представляют собой женщины-революционерки («нигилистки») эпохи 60-х–80-х годов. Яркий, хотя и беглый, рисунок такого типа дал *Тургенев* в «Нови», в кратких чертах рисуя Феклу Машурину.

Это обыкновенно некрасивые женщины, стриженные, часто в очках, в черном платье, обыкновенно — курящие. В эпоху русской революции (особенно в ее первые годы — 1918–1920) особенно характерен был тип женщины-политработницы, в кожаной тужурке и фуражке, обыкновенно стриженной и курящей, с портфелем подмышкой. Каждый, кому приходилось наблюдать подобные типы знает, как далеко их костюм был от обыкновенной, типической женской одежды, как, наконец, вызывающе мужественен был тип их костюма.

Этот пример, не укладывающийся, быть может, в нашу общую схему, дает, однако, блестящий материал для анализа.

Дело в том, что мы склонны видеть в этом акте проявление совершенно особого типа женской психики, во многом несхожего с обычным. Этот тип часто приближается к невротическому строению психики и характерен тем, что в нем женщина *не удовлетворяется своим полом и его особенностями*,

считает его чем-то малоценным, чувствует себя угнетенной им, бессознательно (или сознательно) стремится перерасти себя как женщину, «стать мужчиной».

Это выражается прежде всего в смене доминирующих комплексов влечений. На место пассивных сексуальных эмоций, характерных для женщины, становятся эмоции властвования, господства, расширения престижа личности, характерные главным образом для мужского характера. Перестает высоко ставиться красота, изящество, грация — те моменты, которые особенно понимаются и ценятся женщинами; на первый план выступает оценка силы, твердости. Эта психологическая настроенность и проявляется в целом ряде симптомов как, принимая определение [Адлера] «мужской протест». В целом ряде действий, поступков женщина пытается отмежеваться от своих женских черт. Ее цель — «стать мужчиной» — выливается в стремлении «быть похожим на мужчину», в бессознательном тенденции «идентифицировать» себя с ним.

Именно эти мотивы заставляют женщину (часто не сознающую их!) курить¹, стричь волосы, наконец, резко менять мотивы своей одежды, переходя на «мужской тип» ее. Такое приобретение женщиной «вторичных половых признаков» мужчины является наиболее резким примером «мужского протеста» путем бессознательной идентификации себя с мужчиной и находит свое наиболее картинное выражение в женской кожаной тужурке.

Когда мы говорим об этом, нам вспоминается движение суфражисток в Англии, которое есть сплошь один резко выраженный и программно аргументированный «мужской протест». Нам неудивительно поэтому, что подобные социальные движения не только характеризуются особым, специфическим костюмом, но и подбирают вокруг себя совершенно особые, далекие от обычного типа, разновидности женщин. Одежда служит лишь его ярким признаком.

Мы кончили наш эскиз о психоанализе костюма. Нам осталось лишь еще раз отметить, что одежда, как и всякое внешнее выражение психической жизни, имеет для нас огромную ценность. Являясь симптомом душевных переживаний, она дает нам путь к несознаваемым глубинам психической жизни и открывает новые горизонты методу изучения душевной структуры путем анализа ее «симптомов».

Казань. 19.IX.1922

*Архив А. Р. Лурии.
Впервые опубликовано в книге В.И.Овчаренко, В.М.Лейбин.
Антология российского психоанализа в 2 т.
Т.1, М.:Московский психолого-социальный институт;*

¹ О значении курения ср. *Бирштейн*. К психологии курения «Психотерапия», 1913.

Флинта, 1999, с. 212-223.